

БЕН ААРОНОВИЧ

Магия,
убийство
и джаз

Миста Над Сохо

fanzon

Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези

Бен Ааронович

Луна над Сохо

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Ааронович Б.

Луна над Сохо / Б. Ааронович — «Эксмо», 2011 — (Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези)

ISBN 978-5-04-187260-1

Финалист премии Академии НФ, фэнтези и хоррора. Номинация на премию журнала SFX. Второй роман цикла в духе романов Нила Геймана и Терри Пратчетта. Современное фэнтези-детектив. Бестселлер - продано более двух миллионов экземпляров. «Тело и душа». Так называется мелодия джазового стандарта, которую слышит Питер Грант — лондонский констебль и ученик чародея, — осматривая труп саксофониста Сайреса Уилкинса. Он умер в клубе «606» в Сохо, где подрабатывал в джаз-бэнде. Музыка, звучащая из его тела, явно указывает на сверхъестественную смерть. Питеру придется рискнуть собственными телом и душой, чтобы расследовать дело. Питеру помогут двое: Томас Найтингейл, непосредственный начальник и последний из известных в Англии волшебников, и прекрасная поклонница джаза Симона Фицуильям. И Питеру придется вспомнить судьбу своего отца, талантливого джазового трубача Ричарда «Чертёнка» Гранта. «Свежая, оригинальная и просто замечательная книга. Мне очень понравилось». — Шарлин Харрис «Полное ярких деталей и проникнутое воображением виртуозное описание реальной работы полиции в реальном, осязаемом мире, в который вплетается нечто абсолютно нереальное. Это достижение редкого уровня, и благодаря ему Бен Ааронович привлекает пристальное внимание». — Питер Ф. Гамильтон «Воззвание ко всему сокрытому, призрачному, забытому нынешним Лондоном. Это настоящая страшная история о призраках. Ааронович создал сюжет, в котором поворотов больше, чем в самом темном мрачном переулке. Ручаюсь, вы не сможете уснуть, пока не дочитаете». — Dark London «Остроумная и изобретательная вариация на тему городского фэнтези. История зацепила меня своим очарованием, затянула пугающей потусторонней яростью. Не выпускал эту книгу из рук, пока не перевернул последнюю страницу». — Марио Асеведо «Реалистично показано полицейское расследование. Персонажи проработаны ещё глубже, а стиль —

такой же неизменно остроумный, как и в "Реках Лондона". Одна из самых увлекательных книг за последнее время». — Fantasy Literature «Потрясающее продолжение романа Аароновича "Реки Лондона". Постигая азы лондонского волшебства, Грант отправляется в путешествие по призрачному прошлому Найтингейла и забредает в такие интересные закоулки, по которым не водят экскурсии. Во власти Аароновича история начинает петь, набирая обороты до самого финала, который буквально захватывает дух». — SF Revu «Роман – причина, по которой цикл "Реки Лондона" стали моей любимой серией книг в жанре городского фэнтези. Юмор, построение мира, экшен, магия, тайны, процесс расследования — всё на высшем уровне». — Ranting Dragon «Мистер Ааронович создал лучший мистический детектив современности, лидирующий в жанре со значительным отрывом». — Pornokitsch «Книга — захватывающее продолжение "Рек Лондона": гармоничное сочетание полицейского расследования и фэнтези с добротной примесью хоррора. Это городское фэнтези с огромной любовью к деталям, оживлённое вездесущим остроумием — обязательно к прочтению для всех, кто любит фэнтези с сильной долей реализма». — SF Book Reviews «Свежо, захватывающе и обязательно к покупке». — SFX

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-187260-1

© Ааронович Б., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

1. Тело и душа	7
2. Соль жизни	20
3. Полный стакан печали[16]	32
4. Одна десятая моего пепла[23]	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Бен Ааронович Луна над Сохо

Ben Aaronovitch

Moon Over Soho

Copyright © 2011 by Ben Aaronovitch

© Трубецкая Е.Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дизайн и иллюстрация Елены Куликовой

* * *

Посвящается Карифе,

ибо каждый отец мечтает стать для своего сына героем.

Люди умирали за эту музыку. Куда уж тут серьезнее.

– Диззи Гиллести

1. Тело и душа

Если долго ехать в одну сторону, то рано или поздно Лондон останется у вас за спиной. Такова печальная особенность современной жизни. А если вы направитесь на северо-восток по трассе А12, то неминуемо окажетесь в Колчестере. Этот город стал первой столицей Римской империи на территории Британии, и его же первым сожгла рыжая оторва из Норфолка по имени Боудика¹. Я знаю все это из «Анналов» Тацита, входящих в мой курс латыни. Тацит выказывал странное сочувствие к восставшим бриттам и иронизировал над плохой подготовкой римских военачальников, которые *ставили удобство выше пользы*. Блестяще образованные оболтусы, командующие британской армией, очевидно, приняли этот упрек к сведению: теперь в Колчестере базируется самое крутое подразделение британских войск – воздушный десант. Во время стажировки я не один субботний вечер провел на Лестер-сквер, разнимая дерущихся десантников, и теперь старательно объехал этот прекрасный город по трассе.

Потом повернул на юг и с помощью GPS-навигатора нашел съезд на шоссе В1029, что тянется по узкому перешейку между рекой Кольн и водоотводным каналом. Оно ведет в городок Брайтлинси. Лесли любит говорить, что он разбросан по побережью, словно мусор, вынесенный на берег приливом. Но у меня сложилось более приятное впечатление. В Лондоне шел дождь, но после Колчестера небо прояснилось, и теперь проглянувшее солнце озаряло спускающиеся к морю ряды чистеньких, ухоженных коттеджей в викторианском стиле.

Найти коттедж семейства Мэй было легко. Построенный где-то в семидесятых в стиле Эдвардианской эпохи, он был полностью покрыт каменной штукатуркой и весь увешан светильниками. С одной стороны от входной двери на крюке висело кашпо с голубыми цветами. С другой – виднелась керамическая табличка с номером дома, украшенная изображением яхты на волнах. Задержавшись у крыльца, я оглядел сад: возле декоративной купальни для птиц тусовалась компания садовых гномов. Глубоко вздохнув, я нажал кнопку дверного звонка.

Изнутри немедленно послышался разноголосый девичий визг. Сквозь витражное стекло в двери мне было видно только размытые силуэты, мечущиеся туда-сюда по коридору. «Там твой парень пришел!» – завопил кто-то, в ответ послышалось сердитое «шшш», кто-то что-то сказал вполголоса. Потом в конце коридора появилось светлое неясное пятно, оно приближалось, пока не заполнило собой весь витраж. Я отшагнул назад, и дверь открылась. На пороге стоял Генри Мэй, отец Лесли.

Он и так-то был крупный, а по долгу службы ему приходилось водить грузовики и перетаскивать тяжести, что добавило ширины его плечам и объема бицепсам. Однако завтраки в придорожных кафе и вечера в пабах обеспечили ему изрядное брюшко. Лицо у него было квадратное, а залысина надо лбом начинала потихоньку расти. Но он, похоже, боролся с этим просто – стригся под ноль, и сейчас волосы топорщились коротким темным ежиком. Взгляд голубых глаз был ясным и умным. Лесли, похоже, глазами пошла в отца.

Будучи отцом четырех дочерей, он, конечно, в совершенстве владел техникой внушения трепета одним своим видом. Я едва не спросил, выйдет ли Лесли поиграть.

– Добрый день, Питер, – сказал он.

– Мистер Мэй, – учтиво кивнул я.

Он не шелохнулся в дверях, все так же загораживая собой проем; приглашать меня в дом тоже не спешил.

¹ Боудикка (Боудика, *кельт.* Boudic(c)a, неточная римская передача *Боадисья*, лат. *Boadicea*, ум. 61 г.) – жена Прасутага, тигерна зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка на востоке Англии. После смерти мужа римские войска заняли ее земли, а император Нерон лишил ее титула, что побудило ее возглавить антиримское восстание 61 года.

– Лесли выйдет через пару минут.

– С ней все в порядке? – спросил я. Глупый, конечно, вопрос, и отец Лесли даже не стал утруждать себя ответом. Тут на лестнице послышались шаги, и я глубоко вздохнул, готовясь к худшему.

По словам доктора Валида, серьезно пострадали верхняя и нижняя челюсть, носовая и прилегающие к ней кости. Большая часть мышц и сосудов осталась нетронутой, однако сохранить кожный покров хирургам Университетского госпиталя не удалось. Поэтому они временно установили каркас, позволяющий дышать и принимать пищу, и шансы на то, что частичная трансплантация лицевых тканей пройдет успешно, были по-прежнему велики. Если удастся найти подходящего донора. Говорить Лесли, естественно, не могла – ведь то, что осталось от ее челюстей, соединял сейчас тончайший каркас из гипоаллергенного металла. Доктор Валид сказал, когда кости немного срастутся, можно будет попробовать восстановить и речевые функции челюсти. Как по мне, слишком уж много «если» и «когда». «Что бы ни предстало вашему взгляду, – наставлял меня доктор, – смотрите на это, пока не привыкнете. И ведите себя так, словно она осталась прежней».

– Да вот она, – сказал Генри Мэй и посторонился. Тонкая фигурка Лесли скользнула между ним и дверным косяком. На ней была синяя в белую полоску толстовка с капюшоном. Капюшон она накинула на голову, так что он полностью скрывал и лоб, и подбородок, и туго затянула тесемку. Нижнюю часть лица скрывал сине-белый шарф в тон. Глаза Лесли спрятала за огромными старомодными очками, которые наверняка откопала в мамином шкафу со всяким старьем. Я пялился на нее в упор, но все равно не мог ничего разглядеть.

– Ты бы хоть предупредила, что мы идем грабить банк, – сказал я, – я б маску захватил.

Она бросила на меня возмущенный взгляд – я понял это по тому, как она наклонила голову и передернула плечами. В груди что-то сжалось, я глубоко вздохнул.

– Тогда, может, прогуляемся?

Она уверенно взяла меня за руку и повела прочь от дома, кивнув отцу. Мы шли, и я все время чувствовал спиной его взгляд.

Брайтлинси и летом-то не назовешь шумным городом, небольшое лодочное производство и пара мелких заводиков не в счет. А уж сейчас, спустя две недели после окончания школьных каникул, здесь царил почти полная тишина. Только кричали чайки да изредка проезжали машины.

Я молчал, пока мы не вышли на главную улицу. Там Лесли вытащила из сумочки свой полицейский блокнот, открыла на последней странице и протянула мне.

Чем занимался? – вопрошала надпись черной ручкой поперек страницы.

– Лучше тебе не знать, – ответил я.

Она жестами показала, что нет, ни фиги не лучше.

И я рассказал о парне, которому откусила член женщина с зубастой вагиной. А еще сообщил, что старшего инспектора Сивелла после его действий во время погрома в Ковент-Гардене вроде бы вызвали в Комиссию по жалобам на полицию. Первый случай позабавил Лесли, а вот второй не очень. Я решил вовсе умолчать о том, что Теренс Потсли, второй, кто выжил после всплеска магии, изуродовавшего лицо Лесли, покончил с собой, едва ему представилась такая возможность.

Сразу на берег мы не пошли. Вместо этого Лесли повела меня обратно по Ойстер-Тенк-роуд, через тенистую парковку, где рядами стояли в прицепах вытасенные из воды шлюпки. С моря дул холодный, резкий ветер, завывал в снастях, звенел, словно колокольчиками, металлическими частями такелажа. Держась за руки, мы пробирались между лодок, пока не оказались на бетонной набережной, продуваемой всеми ветрами. С одной ее стороны были ступеньки, которые вели вниз, к берегу, разделенному на ровные отрезки старыми полусгнившими волноломами. С другой стороны в ряд выстроились небольшие сарайчики, выкрашенные в яркие

краски. Большинство были заперты, но какая-то семья явно решила продлить себе каникулы, пока не похолодало, – родители пили чай, расположившись на крыльце, а дети гоняли по пляжу футбольный мяч.

Между последним сарайчиком и открытым бассейном была узкая полоска зеленой травы, на которой стоял еще один маленький домик. Там-то мы и решили передохнуть. Этот домик построили еще в тридцатые годы, когда люди не питали никаких иллюзий относительно британского климата. У него были такие мощные кирпичные стены, что при случае он мог послужить противотанковым укреплением. Мы устроились внутри, на скамейке в нише, куда не задувал ветер. Стены были разрисованы морскими пейзажами: голубое небо, белые облака, алые паруса. Какой-то конченный дебил написал через все небо «БиЭмЭкс» черным аэрозолем для граффити. Сбоку на стене были неряшливо намалеваны имена: БРУК Т., ЭМИЛИ Б. и ЛЕСЛИ М. Они находились именно в том месте, где их могла вывести рука подростка, сидящего на краю скамейки и не знающего, чем себя занять. Не надо быть копом, чтобы понять: именно сюда приходит потусить молодое поколение жителей Брайтлинси в трудный период своей жизни, когда возраст уголовной ответственности уже наступил, а легального употребления алкоголя – еще нет.

Лесли достала из сумочки клон АйПада и включила его. Перевела в клавиатурный режим, и АйПад заговорил. Кто-то из ее родных, очевидно, установил синтезатор речи. Модель была базовая, в речи слышался американский акцент, поэтому Лесли говорила как туповатый красавчик-серфер. Но все равно это было почти похоже на нормальную беседу.

Она спросила сразу, без всяких предисловий:

– Магией можно лечить?

– Но доктор Валид, наверное, уже обсудил это с тобой?

Я ждал, что она об этом спросит. Ждал и боялся.

– Ты скажи.

– Что сказать?

Лесли склонилась над АйПадом и стала методично тыкать пальцем в монитор. Набрав несколько строк, она нажала ввод.

– Хочу услышать это от тебя.

– Но почему?

– Потому что доверяю тебе.

Я глубоко вздохнул. Пара пенсионеров на инвалидных электроскутерах пронеслась мимо нашего домика.

– Насколько мне известно, магия подчиняется тем же самым законам физики, что и все вокруг, – сказал я.

– Что вызвано магией, – ответил АйПад, – можно магией же и исправить.

– Если обжечь руку огнем или электричеством, будет ожог. Его мажут мазью, бинтуют и все такое – но не лечат ни огнем, ни электричеством. Ты...

... лишилась лица, его кожа и мышцы распались по воле проклятого злобного духа. Твоя нижняя челюсть полностью разрушилась и сохраняла свою форму только благодаря магии, а когда она перестала действовать, твое лицо развалилось. Твое милое, прекрасное лицо. Я был там и видел это своими глазами. А помочь не мог.

... понимаешь, что по щелчку пальцев он не пройдет.

– Все на свете знаешь, да? – спросил АйПад.

– Нет, – сказал я. – Все на свете даже Найтингейл не знает.

Некоторое время Лесли сидела молча и неподвижно. Я хотел обнять ее за плечи, но не знал, как она себя поведет. И уже почти решился, когда она кивнула, будто сама себе, и снова застучала по монитору.

– Покажи, – сказал АйПад.

– Лесли...

– Покажи, – она кликнула на повтор, потом еще несколько раз. – Покажи, покажи, покажи.

– Подожди-ка, – сказал я, протягивая руку за АйПадом, но она поспешно убрала его из пределов моей досягаемости.

– Я должен вытащить аккумулятор, – объяснил я, – иначе магия сожжет чип.

Лесли раскрыла АйПад и извлекла оттуда аккумулятор. Убив пять телефонов подряд, я в конце концов обезопасил свой «Самсунг» последней модели отключающим устройством. Правда, половинки корпуса скреплялись теперь двумя эластичными ремешками. При виде этой конструкции Лесли вздрогнула и издала странный фыркающий звук – очевидно, засмеялась.

Я мысленно воспроизвел нужную *форму*, потом раскрыл ладонь, выпуская шар-светлячок. Не слишком большой, но его неяркий отсвет все же отразился в стеклах очков Лесли. Она перестала смеяться. Я сложил пальцы, и шар погас.

Несколько секунд Лесли таращилась на мою ладонь. Потом дважды, медленно и методично, повторила мой жест. Не увидев никакого эффекта, она подняла голову и посмотрела на меня. Сквозь шарф и очки ничего не было видно, но я знал, что она хмурится.

– Это труднее, чем кажется, – пояснил я. – Я целых полтора месяца тренировался каждое утро по несколько часов. А ведь это далеко не все, что надо освоить. Я говорил, что одновременно нужно учить латынь и греческий?

Некоторое время мы молчали. Потом она пихнула меня в плечо. Вздохнув, я засветил еще один «светлячок». К этому моменту я уже, наверно, даже во сне мог их лепить. Лесли повторила мое движение – ничего не произошло. Нет, кроме шуток, этому и правда надо учиться очень долго.

Пенсионеры на скутерах наперегонки катили обратно по набережной. Я погасил шар, но Лесли продолжала воспроизводить мое движение, с каждым разом все более резко и нетерпеливо. Я смотрел на это, пока мог, потом мягко накрыл ее ладонь своей.

Скоро мы двинулись обратно к ее дому. Когда дошли, она похлопала меня по руке, шагнула через порог и захлопнула дверь прямо у меня перед носом. Сквозь витраж я видел только неясный силуэт: она быстро прошла по коридору и совсем пропала с глаз.

Я развернулся и уже собрался уходить, как вдруг дверь открылась снова, и отец Лесли вышел на крыльцо.

Людям, подобным Генри Мэю, нелегко дается смущение, поэтому они не умеют его скрывать.

– Питер, – сказал он, – я тут подумал, может быть, выпьете со мной чайку? В центре есть кафе.

– Спасибо, – ответил я. – Но мне надо возвращаться в Лондон.

– А, – сказал он и шагнул ближе. – Она не хочет, чтобы вы видели ее без маски. – Он махнул рукой в сторону двери: – Ну, если вы зайдете, ей ведь придется снять маску – вот она и не хочет, чтобы вы ее видели. Надеюсь, вы ее понимаете, а?

Я кивнул.

– Она не хочет, чтобы вы увидели, насколько все плохо.

– А насколько?

– Хуже не бывает, – ответил Генри.

– Мне жаль.

Генри пожал плечами.

– Я просто хотел, чтобы вы поняли: вас никто не выгоняет, – сказал он. – И никто на вас не в обиде.

И тем не менее меня выгоняли, хоть и ненавязчиво. Поэтому я попрощался, сел в «Ягуар» и покатил в Лондон.

Когда мне удалось наконец найти выезд обратно на трассу А12, позвонил доктор Валид. Он сообщил, что в госпитале есть труп, на который мне обязательно нужно взглянуть. Я прибавил скорость. Впереди ждала работа, и я был этому рад.

Во всех больницах, где мне доводилось бывать, пахло одинаково – едва уловимой смесью дезинфицирующего раствора, рвоты и смертности. Университетский госпиталь построили совсем недавно, меньше десяти лет назад, но характерный запах уже начал скапливаться в углах по всему зданию. По странной иронии, его не было только в цокольном этаже, где находился морг. Краска на стенах здесь выглядела еще совсем свежей, и новый бледно-голубой линолеум поскрипывал под ногами.

Вход в покойницкую находился посередине длинного коридора, увешанного картинами, изображавшими Госпиталь Миддлсекса тех времен, когда мытье рук после приема каждого пациента было последним словом медицинской науки. Туда вели двойные огнеупорные двери с электронным замком и надписью: ВХОДА НЕТ! ДОСТУП ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА МОРГА. Еще был знак, призывающий нажать кнопку домофона. Что я и сделал. Динамик издал пронзительный писк, и я, на случай если это был вопрос, сказал, что я констебль Питер Грант и что меня ждет доктор Валид. Домофон пискнул еще раз. Я стал ждать, и вскоре доктор Абдул Хак Валид, всемирно известный шотландский гастроэнтеролог, а по совместительству криптопатолог и практикующий маг, открыл мне дверь.

– Питер, – кивнул он. – Как там Лесли?

– Да вроде в порядке, – ответил я.

Внутри морг почти ничем не отличался от остальной части госпиталя – разве только пациенты не ругали Государственную службу здравоохранения. Мы миновали ресепшен и охрану, и доктор привел меня к покойнику, о котором шла речь.

– Кто такой? – спросил я.

– Сайрес Уилкинсон, – ответил доктор. – Позавчера в пабе на Кембридж-Серкус потерял сознание, его привезли сюда. Констатировали смерть до прибытия бригады «Скорой» и, как полагается, отправили тело в морг для проведения вскрытия.

Бедняга Сайрес Уилкинсон на вид был вполне цел и невредим – не считая, разумеется, Y-образного разреза, тянувшегося от грудной клетки до промежности. Доктор Валид, к счастью, успел покопаться в его внутренностях и зашить разрез до моего приезда. Сайрес был белый, на вид сорока с небольшим лет, и для своего возраста в превосходной форме, правда, пивное брюшко уже наметилось. Зато руки и ноги были вполне мускулистые – он наверняка любил бегать по утрам.

– И вследствие чего он оказался здесь?

– Что ж, я обнаружил признаки гастрита, панкреатита и цирроза печени, – ответил доктор. Последнее мне было знакомо.

– Он много пил?

– В том числе. Налицо сильнейшая анемия, что может быть связано с больной печенью, но, на мой взгляд, она скорее вызвана нехваткой витамина В₁₂.

Несколько секунд я молча смотрел на труп.

– А на вид вполне крепкий.

– Он занимался спортом, – сказал доктор Валид, – но в последнее время как-то запустил себя.

– Наркотики?

– Я сделал все общие анализы, – ответил доктор, – наркотики нигде не обнаружены. Через пару дней придут результаты по образцам волос, тогда можно будет сказать точнее.

– Но какова причина смерти?

– Остановка сердца. Я обнаружил следы обширной кардиомиопатии. Это когда сердце расширяется и не может работать как положено – но думаю, его погубил острый инфаркт миокарда, который случился ночью в клубе.

Термин «инфаркт миокарда» я выучил еще в Хендоне, отрабатывая ситуацию «Подозреваемый теряет сознание в камере предварительного заключения, ваши действия?». Проще говоря, у него случился сердечный приступ.

– Естественная смерть, хотите сказать?

– На первый взгляд да. Но на самом деле он отнюдь не был настолько болен, чтобы вот так в одночасье умереть. Хотя, конечно, и такое иногда бывает.

– А почему вы решили, что это наш случай?

Доктор Валид похлопал труп по плечу и подмигнул мне:

– Подойдите ближе, и сами все поймете.

Я очень не люблю вплотную приближаться к покойникам, даже к таким благообразным, как Сайрес Уилкинсон. Поэтому попросил у доктора Валида респиратор и защитные очки. Удостоверившись, что теперь даже случайно не коснусь трупа, я стал осторожно наклоняться, пока не оказался с ним нос к носу.

Магия оставляет на физических телах невидимый отпечаток – *вестигий*. Это такая форма чувственного восприятия, словно вспоминаешь знакомый запах или звук, который слышал когда-то раньше. Подобные ощущения могут возникать по многу раз на дню, но они перемешиваются с воспоминаниями и фантазиями и даже с реальными запахами и звуками. Некоторые физические объекты – например, камни – впитывают все, что происходит вокруг, если в этом есть хоть малая крупица магии. Вот почему каждый старый каменный дом имеет свой характер. Другие объекты, вроде человеческих тел, ужасно плохо держат *вестигии*: необходим импульс, сравнимый по силе со взрывом гранаты, чтобы на трупе хоть что-то отпечаталось.

Именно поэтому я был несколько удивлен, услышав соло на саксофоне, исходящее от тела Сайреса Уилкинсона. Мелодия словно выплывала из той эпохи, когда радиоприемники делали с использованием бакелита и стекла. Одновременно с ней нахлынули запахи стройки: опилки и бетонная пыль. Я стоял неподвижно, пока не узнал мелодию, потом шагнул назад.

– Как вы узнали? – спросил я.

– Я проверяю все внезапные смерти, – ответил доктор. – Просто так, на всякий случай. От него слышится что-то вроде джаза.

– Вы узнали мелодию?

– О нет, это не ко мне. Я поклонник прогрессив-рока и романсов девятнадцатого века.

А вы?

– Это «Тело и душа», – ответил я, – написана в тридцатые годы.

– Кто ее играл?

– Ой, да кто только не играл, – сказал я. – Это же классика джаза, известнейшая вещь.

– Но от джаза ведь нельзя умереть, – заметил доктор, – верно?

Я вспомнил Фэтса Наварро, Билли Холидея и Чарли Паркера – последнего, когда нашли мертвым, посчитали вдвое старше, чем он был на самом деле.

– Знаете что, – сказал я, – может статься, что и можно.

Во всяком случае, отец мой дошел до такой жизни именно из-за джаза.

Вестигий не может так мощно отпечататься на теле без сильного магического импульса. Соответственно, либо что-то магически воздействовало на Сайреса Уилкинсона, либо он сам колдовал. Граждан, занимающихся магией, Найтингейл называл адептами и утверждал, что дома у них всегда есть следы магии, даже если адепт абсолютный новичок. И вот я отправился на ту сторону Темзы, по адресу, указанному в водительском удостоверении мистера Уилкинсона, чтобы проверить, нет ли там кого-то, кто так его любил, что мог убить.

Жил он, как оказалось, в двухэтажном коттедже в эдвардианском стиле, на «правильной» стороне Тутинг-Бек-роуд. Это было царство «Фольксваген Гольф», и лишь немногочисленные «Ауди» и «БМВ» придавали пафоса. Оставив машину за желтой линией, я направился пешком вверх по улице. В глаза сразу бросилась ярко-оранжевая «Хонда Сивик». У нее был слабенкий двигатель на 1,4 литра, а за рулем сидела женщина. Она не сводила глаз с нужного мне дома. Как следует запомнив номер машины, я открыл кованые ворота, прошел по недлинной дорожке к дому и позвонил в звонок у двери. На несколько мгновений я ощутил запахи пиленого дерева и бетонной пыли, но затем дверь открылась, и я утратил всяческий интерес к окружающему миру.

У нее были старомодно пышные формы, влекущие изгибы которых не скрывал даже мешковатый голубой свитер ручной вязки. Прелестное лицо было несколько бледноватым, а каштановые волосы, если бы не были стянуты на затылке в неряшливый узел, наверняка укрыли бы спину до середины. Глаза были темно-карие, рот крупный, уголки полных губ слегка опускались вниз. Она спросила, кто я, и я представился.

– Чем могу помочь вам, констебль? – спросила она. У нее был чистейший, почти пародийный лондонский выговор. Когда она заговорила, мне показалось, что над нами вот-вот пронесется истребитель «Спитфайр»².

– Это дом Сайреса Уилкинсона? – спросил я.

– Боюсь, что это был его дом, констебль, – ответила женщина.

Я очень вежливо поинтересовался, кто она.

– Симона Фитцуильям, – назвалась она и протянула руку. Я машинально пожал – ладонь была мягкой и теплой. Я почувствовал запах цветущей жимолости. Спросил, можно ли войти в дом, и она посторонилась в дверях, пропуская меня.

Дом явно был построен для амбициозных «низов» среднего класса. Коридор был узкий, но при этом соразмерный. Черно-белую плитку на полу не меняли со времен постройки, и потертый антикварный буфет из мореного дуба явно с тех же пор здесь стоял. Симона провела меня в гостиную. Я зацепился взглядом за ее крепкие, но стройные ноги, обтянутые черными легинсами.

Этот коттедж, подобно многим другим, пережил стандартную реновацию: стену между гостиной и прихожей снесли, дубовые половицы отшлифовали, покрыли лаком и застелили паласом. Мебель, похоже, была от Джона Льюиса – дорогая, удобная и очень унылая. Плазменный телевизор, как и положено, гигантский, был подключен к спутниковой сети «Скай» и укомплектован Блюэрэй-плеером. На ближайших полках вместо книг стояли DVD-диски. Над камином – то есть над тем местом, где он был бы, если бы его за прошедшие десятилетия не заложили – висела репродукция Моне.

– В каких отношениях вы были с мистером Уилкинсоном? – спросил я.

– Он был моим любовником, – ответила она.

Стереосистема марки «Хитачи» была премиальная, навороченная, но бестолковая: никакой вертушки для винила, только CD-проигрыватель. Рядом стояла пара стеллажей с дисками: Уэс Монтгомери, Дэви Редмен, Стэн Гетс. Другие диски содержали популярную музыку девяностых.

– Сочувствую вашему горю, – сказал я. – Но, если можно, задам вам несколько вопросов.

– Констебль, а нельзя без этого обойтись?

– Когда обстоятельства и причина смерти неясны, – пояснил я, – мы обычно начинаем расследование и стараемся все выяснить.

На самом деле, мы, то есть полиция, начинаем его, только если любому дураку ясно, что произошло умышленное убийство. Либо когда Министерство внутренних дел дает установку

² Супермарин «Спитфайр» (англ. Supermarine Spitfire) – английский истребитель времен Второй мировой войны.

срочно заняться тем или иным преступлением, потому что оно засветилось в сегодняшних новостях.

– А разве они неясны? – удивилась Симона. – Я так поняла, у бедного Сайреса случился сердечный приступ.

Она села на пастельно-голубой диван и жестом пригласила меня сесть в такое же кресло напротив.

– Разве не это называют естественной смертью?

Ее глаза блестели от слез, и она вытерла их тыльной стороной ладони.

– Простите, констебль.

Я сказал, что меня можно звать по имени – а этого ни в коем случае не следует делать на данной стадии расследования. Я прямо-таки слышал, как Лесли на побережье Уэссекса кроет меня на все корки. Но Симона, впрочем, не предложила мне чаю – что ж, не повезло.

– Спасибо, Питер, – грустно улыбнулась она. – Можете спрашивать.

– Сайрес был музыкантом?

– Он играл на альт-саксофоне.

– Джаз?

Снова слабая улыбка.

– А что, бывает какая-то другая музыка?

– Ладовый, бибоп или мейнстрим? – уточнил я, решив щегольнуть своими познаниями.

– Кул Западного побережья, – ответила она, – но, впрочем, по обстоятельствам мог поиграть и хард-боп.

– А вы тоже играете?

– О господи, конечно же нет, – сказала она. – Я ни за что не стану мучить публику своей абсолютной бездарностью. Надо же понимать, что ты можешь, а что не можешь. Но я хороший слушатель, Сайрес это очень ценил.

– А в тот вечер вы были на концерте?

– Разумеется, – ответила она. – Сидела в первом ряду. В таком маленьком клубе, как «Соль жизни», совсем нетрудно найти место рядом со сценой. Они играли «Полуночное солнце», Сайрес закончил свое соло и вдруг уселся на монитор. Я подумала, ему стало жарко, но потом он стал заваливаться набок, и мы поняли, что что-то с ним не так.

Она умолкла и отвела взгляд. Сжала ладони в кулаки. Я немного подождал, потом, чтобы помочь ей сконцентрироваться, стал задавать занудные формальные вопросы: помнит ли она, когда точно Сайрес потерял сознание, кто вызвал «Скорую» и была ли она с ним рядом все это время.

Ответы записывал в блокнот.

– Я хотела поехать с ним на «Скорой». Правда хотела, но его унесли так быстро, что я даже опомниться не успела. Потом Джимми подбросил меня до больницы, но, когда мы приехали, было уже слишком поздно.

– Джимми? – переспросил я.

– Это их барабанщик, он такой славный. По-моему, шотландец.

– Можете назвать его полное имя?

– Представляете, я его даже не знаю, – сказала Симона, – какой кошмар. Для меня он всегда был просто Джимми-барабанщик.

Я спросил про остальных музыкантов, и она смогла припомнить только, что бас-гитариста зовут Макс, а пианиста – Дэнни.

– Вы, наверно, считаете меня ужасно черствой, – сказала она. – Конечно же, я должна знать их имена. Но сейчас попросту не могу вспомнить. Наверное, я просто не в себе из-за того, что Сайреса не стало так внезапно.

Я спросил, не страдал ли он в последнее время от каких-либо заболеваний, не испытывал ли недомогания. Симона сказала, ничего такого не было. Имени его лечащего врача она тоже не знала, но сказала, что, если нужно, покопается в его документах и найдет. Я сделал пометку спросить у доктора Валида.

На этом я решил, что задал достаточно вопросов, чтобы скрыть истинную причину своего визита. И самым непринужденным тоном попросил разрешения осмотреть остальную часть дома.

Обычно, если в доме полиция, то и самый законопослушный гражданин начинает смутно чувствовать себя виновным непонятно в чем. И соответственно, не очень хочет, чтобы вы громыхали своими ботинками сорок третьего размера по всему дому. Поэтому я малость удивился, когда Симона махнула рукой в сторону коридора и сказала, чтобы я не стеснялся.

Второй этаж выглядел, примерно как я и ожидал: сначала хозяйская спальня, затем гостевая. Ее, судя по стеллажам с дисками вдоль стен и совершенно свободному полу, использовали для репетиций. Кабинетом пожертвовали, чтобы расширить ванную комнату и вместить туда ванну, душевую кабину и туалет с биде. Стены здесь были облицованы бледно-голубой плиткой с узором из цветущих лилий. Содержимое шкафчика под раковиной традиционно состояло на четверть из мужских и на три четверти из женских средств по уходу за телом. Он предпочитал одноразовые станки с двумя лезвиями и пользовался гелем после бритья; она часто делала эпиляцию и покупала кремы и лосьоны в сети «Супердраг». Но не было ни одного признака, что кто-то из них баловался с тайным искусством. Дверцы двух встроенных шкафов в основной спальне были распахнуты настежь. Дорожки из наспех сложенных вещей вели от шкафов к кровати, где лежали два раскрытых чемодана. Горе, подобно раковой опухоли, пожирает людей с разной скоростью, и все же мне показалось, что она слегка рановато собралась избавиться от вещей своего дорогого Сайреса.

Но тут я увидел среди вещей джинсы с низкой посадкой, какие уважающий себя джазмен в жизни не наденет. И понял: Симона собирала свои чемоданы. Однако это казалось не менее подозрительным. Я замер и прислушался. Убедившись, что она не поднимается по лестнице, я по-быстрому заглянул в оба ящика с нижним бельем. Результатом было лишь ощущение собственного крайнего непрофессионализма.

Музыкальная комната могла сказать мне больше. На стенах здесь висели в рамках портреты Майлза Дэвиса и Арта Пеппера, полки были заставлены партитурами. Эту комнату я оставил напоследок. Ибо надеялся ощутить в доме то, что Найтингейл называл *sensis illic*, а я – фоновым *вестигием*, до того, как войду сюда, в домашнее святилище Сайреса Уилкинсона. Я услышал отзвук мелодии «Тело и душа», снова почувствовал запахи бетонной пыли и пилевого дерева, но они перемешивались с ароматом духов Симоны, делаясь почти неуловимыми.

В отличие от остальных комнат, книжные полки здесь содержали кое-что еще помимо фотографий и необоснованно дорогих сувениров, привезенных из отпуска. Я успел понять: всякому, кто задумает научиться колдовству неофициально, придется перечитать кучу оккультной дребедени, прежде чем наткнуться на руководство по «истинной магии», если такое понятие вообще существует. Уж что-то подобное наверняка должно было найтись – но не нашлось. У Сайреса в доме не было даже «Книги лжи» Алистера Кроули³, которую, на худой конец, можно полистать ради забавы. Вообще подборка была почти как у моего папы: биографии Арта Пеппера, Чарли Паркера и других джазменов перемежались ранними романами Дика Фрэнсиса.

– Нашли что-нибудь важное?

³ Алистер Кроули – крупнейший философ-эзотерик XX века. «Книга лжи» – «За названием этой книги, давно уже ставшей одним из классических трудов современного эзотеризма, не кроется никакой мистики и черной магии: всем известно, что “мысль изреченная есть ложь”. Лишь мысль, еще не облеченная в слова, может быть истинной. Отсюда – надежда на то, что слово, намеренно искаженное, может оказаться ближе к Истине...»

Я обернулся. Симона стояла на пороге.

– Пока нет, – ответил я. Сосредоточившись на поисках, я даже не заметил ее шагов по лестнице. Лесли, помнится, заметила, что неспособность услышать, как у тебя за спиной отплясывает голландский фолк-ансамбль, – не то качество, которое поможет выжить в сложной, быстро меняющейся среде современной полиции. Хочу отметить: во-первых, я в тот момент показывал дорогу одному туристу, который был малость глуховат. А во-вторых, ансамбль был шведский.

– Не хочу торопить вас, – сказала Симона, – но перед вашим приходом я заказала такси, а вы же знаете, как таксисты ненавидят ждать.

– Куда вы направляетесь? – спросил я.

– К сестрам, – ответила она, – на первое время, пока не приду в себя.

Я попросил дать мне адрес, она продиктовала, я записал. И удивился: Сохо, Бервик-стрит.

– Да, я понимаю, – сказала она, увидев выражение моего лица, – они тоже девушки богемные.

– У Сайреса есть какая-то еще недвижимость? Дом, быть может, или сад?

– Мне он ни о чем таком не говорил, – сказала она. И рассмеялась: – Сайрес-садовод – просто невысказано!

Я поблагодарил Симону за уделенное время, и она проводила меня до двери.

– Спасибо вам, Питер, – сказала она. – Вы были очень добры.

Отражение в боковом стекле давало хороший обзор, и я заметил, что «Хонда Сивик» все так же стоит напротив дома. Женщина за рулем не отрываясь смотрела прямо на нас. Я вышел и, закрыв за собой дверь, повернулся к машине лицом. Женщина тут же отвернулась и сделала вид, что разглядывает наклейки на заднем стекле соседнего авто. Потом все-таки оглянулась назад, и вовремя: я решительно направился в ее сторону. Я прямо-таки видел, как ее замешательство перерастает в панику и она колеблется, не зная, то ли включить мотор, то ли выйти из машины. Когда я постучал в стекло, ее прямо подбросило. Я показал служебное удостоверение, и она растерянно уставилась на него. Так бывает в половине случаев: большинство граждан попросту не знает, как выглядит полицейское удостоверение, и не понимает, что за фигню им суют. Но она, похоже, поняла и опустила стекло.

– Не могли бы вы выйти из машины, мадам? – попросил я.

Женщина кивнула и вышла. Она была невысокая и худощавая, в дорогом, хоть и не шитом на заказ, костюме с юбкой цвета морской волны. Риелтор, подумал я, или менеджер по работе с клиентами, вроде пиар-агента или специалиста по продажам в дорогом сегменте. Разговаривая с полицейскими, люди обычно прислоняются спиной к своим автомобилям, это дает им ощущение моральной поддержки. Незнакомка не стала этого делать, зато принялась тереть кольцо на левой руке и периодически заправлять волосы за уши.

– Я просто ждала в машине, – сказала она. – Что-то случилось?

Я попросил ее предъявить водительские права. Она покорно достала карточку и протянула мне. Если потребовать у первого встречного назвать свое имя и адрес, он не только с большой вероятностью скажет неправду, но и вообще имеет полное право отказаться предоставлять такие сведения, если только вы его ни в чем не обвиняете. *Мало того*, вы должны написать расписку, что не преследуете незаконно риелторов-блондинок. Но если вы просто остановите автомобиль с целью проверки документов, то водитель охотно покажет вам права, содержащие его полное имя вместе с дурацким вторым, адрес и дату рождения. Я записал в свой блокнот: Мелинда Эббот, 1980 года рождения, проживает там, откуда я только что вышел.

– Это ваш фактический адрес? – спросил я, возвращая ей карточку.

– Вроде того, – ответила она. – Был – и вот я как раз жду, когда смогу туда вернуться. А почему вы спрашиваете?

– Я веду расследование, – ответил я. – Вам знаком человек по имени Сайрес Уилкинсон?
– Он мой жених, – сказала она, устремив на меня жесткий взгляд. – С ним что-то случилось?

Существует официальная инструкция по информированию родственников погибшего, одобренная Ассоциацией руководителей полицейских служб. Так вот, пункта «вывалить все как есть, стоя посреди улицы» там нет. Я предложил ей побеседовать в машине, но этот номер не прошел.

– Лучше скажите сразу.

– Боюсь, у меня для вас плохие новости.

Каждый, кто хоть раз смотрел «Закон» или «Реанимацию», знает, *что* это значит.

Мелинда отшатнулась, с трудом удержав равновесие. Казалось, еще миг, и она потеряет самообладание, но нет – справилась, спрятала эмоции под прежнюю бесстрастную маску.

– Когда?

– Позавчера вечером, – ответил я, – у него случился сердечный приступ.

Она непонимающе уставилась на меня:

– Сердечный приступ?

– Боюсь, что так.

Она кивнула:

– Так зачем вы здесь?

Мне, к счастью, не пришлось выдумывать очередную ложь: подъехал миникеб, остановился возле дома и просигналил. Мелинда развернулась и уставилась на входную дверь. Вскоре Симона вышла, неся оба чемодана. Водитель проявил нехарактерную для таксиста галантность: вышел из машины, забрал у нее чемоданы и сам положил в багажник. Она тем временем запирает входную дверь – на оба замка, и йелевский, и «Чаб»⁴.

– Эй ты, сука! – завопила Мелинда.

Симона шла к машине не оборачиваясь, что произвело на Мелинду вполне предсказуемый эффект.

– Да, ты! – заорала она снова. – Сука, он же умер! А тебе даже впадлу было мне сообщить. И это мой дом, жирная шлюха!

Симона таки обернулась. Сначала я решил, что она вообще не поняла, кто это такая. Но потом она задумчиво кивнула, словно сама себе, и лениво бросила ключи в нашу сторону. Они упали у ног Мелинды.

Я обычно чувствую, когда человек вот-вот слетит с катушек. Поэтому и успел ухватить Мелинду за локоть, не дав ей рвануть на ту сторону улицы и вломить Симоне по полной. Общественный порядок – прежде всего. Мелинда оказалась довольно сильной для своего роста и комплекции, поэтому мне пришлось удерживать ее обеими руками. Она продолжала выкрикивать оскорбления через мое плечо так, что аж в ушах звенело.

– Мне вас что, арестовать? – осведомился я. Это старый полицейский трюк: если просто предупредить человека, он не среагирует, но если задать ему вопрос, тогда он задумается. А как только человек начинает думать о последствиях, то почти всегда успокаивается. Разумеется, если он не пьян, не под кайфом, не тинейджер и не уроженец Глазго.

В случае Мелинды вопрос подействовал как надо. Она умолкла ровно на то время, за которое миникеб успел отъехать. Убедившись, что со злости Мелинда не собирается колотить меня – нам, полицейским, иногда достаётся в таких случаях, – я наклонился, поднял ключи и протянул ей.

– У вас есть кому позвонить? – спросил я. – Кому-то, кто может приехать и побыть здесь с вами?

⁴ Yale, Chubb – британские компании, занимающиеся производством замков и сейфов.

Она покачала головой:

– Я лучше подожду в машине. Спасибо вам.

Не стоит благодарности, мадам, ответил я мысленно, *я просто выполняю...* да кто его знает, что я тут выполняю. Понимая, что сегодня ничего полезного от нее не добьюсь, я решил оставить все как есть.

ИНОГДА, после тяжелого рабочего дня придать сил может только кебаб. По пути через Уоксхолл я заехал в какую-то курдскую забегаловку, взял кебаб и вышел с ним на набережную Альберта, ибо есть кебабы в «Ягуаре» строго запрещено. Одну сторону набережной изуродовал в шестидесятые бум постмодернизма, и я, повернувшись спиной к этим унылым серым фасадам, стал смотреть, как солнце опускается за крыши Миллбанк-Тауэр и Вестминстерского дворца. Было еще достаточно тепло, чтобы ходить без курток, и город цеплялся за уходящее лето, как амбициозная подружка за перспективного центрального форварда.

Официально я числюсь в ОРЭП9 – Отделе по расследованию экономических и профессиональных преступлений № 9, известном также как Безумство. А еще – как отдел, о котором порядочные копы в приличном обществе не говорят. Запоминать аббревиатуру ОРЭП9 бесполезно, ибо структура столичной полиции реорганизуется раз в четыре года и все названия меняются. Вот почему отдел по коммерческим кражам Департамента расследования тяжких и организованных преступлений с момента своего создания в 1920 году именуется Летучим отрядом. Или Суини⁵, если желаете прикинуться настоящим кокни⁶. Для справки: на кокни они рифмуются.

В отличие от Суини, вести дела Безумства несложно. Отчасти потому, что мы ведем дела, о которых другие и говорить-то не любят. Но в основном потому, что у нас нет выделенного бюджета. А раз нет бюджета – значит, нет канцелярской волокиты и, как следствие, никакого документооборота. Облегчал управление и тот факт, что до января этого года личный состав отдела исчислялся одним-единственным человеком: старшим инспектором Томасом Найтингейлом. И хотя с моим появлением штат удвоился и была перелопачена гора бумаг, копившаяся минимум лет десять, для Главного управления Лондонской полиции мы по-прежнему мало заметны. И несем нашу службу, загадочным образом сливаясь с толпами обычных копов.

Часть этой службы – отслеживать нелегальных волшебников и прочих граждан, незаконно практикующих занятия магией. Но лично я сомневался, что Сайрес Уилкинсон практиковал что-либо помимо виртуозной игры на саксофоне. В то, что он покончил с собой при помощи обычного для джазменов коктейля из выпивки и наркотиков, тоже не очень-то верилось. Но чтобы знать наверняка, следовало дождаться результатов анализа крови на токсины. С другой стороны, зачем кому-то убивать музыканта с помощью магии прямо посреди концерта? Нет, у меня, конечно, тоже весьма сложное отношение к постмодерну, постпанку и прочим маломелодичным новым веяниям – но я вряд ли стал бы убивать человека, исполняющего подобное. По крайней мере, до тех пор, пока меня не запрут с ним в одной комнате.

От причала Миллбанк отплыл катамаран. Его дизельный мотор ревел. Я скомкал обертку от кебаба и бросил в урну. Потом сел в «Ягуар», завел мотор и выехал в густеющие сумерки.

Хочешь не хочешь, а придется-таки засесть в библиотеку Безумства, искать упоминания подобных случаев в прошлом. Полидори очень много писал о всяких трагических происшествиях, связанных с пьянством и разгулом. Возможно, под влиянием личного опыта, который

⁵ Flying Squad (Летучий отряд) рифмуется со Sweeney Todd. В жаргоне кокни принято для краткости опускать рифмующую часть, таким образом Flying Squad превращается в Sweeney.

⁶ Кокни – один из самых известных типов лондонского просторечия, на котором говорят представители низших социальных слоев населения Лондона. Для кокни характерны особое произношение, неправильность речи, а также рифмованный сленг. Sweeney Todd – Flying Squad.

приобрел, когда куролесил на Женевском озере вместе с Байроном и семьей Шелли. Если кто и разбирался в безвременных и неестественных смертях, так это Полидори. Он написал книгу на соответствующую тему прямо перед тем, как выпить раствор цианистого калия. Книга называется *«Исследование неестественных смертей в Лондоне в период с 1768 по 1810 год»* и весит больше двух фунтов. Я подумал, как бы и мне не захотелось покончить с собой, когда прочитаю.

Было уже совсем поздно, когда я наконец доехал до Безумства и припарковал «Ягуар» в каретном сарае. Открыл заднюю дверь особняка и тут же услышал лай Тоби. Скользя когтями по мраморному полу, пес подлетел ко мне и стал носиться вокруг, путаясь под ногами. Со стороны кухни беззвучно появилась Молли, изрядно напоминающая победительницу всемирного косплей-конкурса в номинации «готик-лолита». Не обращая внимания на Тоби, я спросил ее, не спит ли еще Найтингейл. Молли чуть качнула головой туда-сюда и вопросительно на меня уставилась.

Молли в Безумстве исполняет обязанности экономки, повара и дератизатора. Она никогда не говорит, у нее необычайно много зубов и странная склонность к употреблению сырого мяса. Я стараюсь никогда не ставить ей в вину эти особенности. И тем более не допускать, чтобы она перекрывала мне выход из замкнутого помещения.

– Я совершенно вымотался и пойду спать.

Молли указала глазами на Тоби, потом вновь уставилась на меня.

– Но я весь день на ногах.

Молли снова качнула головой – это значило «мне-то все равно, но если вы не выгуляете эту вонючую мелюзгу, убирать потом за ним будете сами».

Тоби умолк, но только чтобы устремить на меня полный надежды взгляд.

– Где его поводок? – вздохнул я.

2. Соль жизни

Обыватели часто имеют весьма искаженное представление о скорости, с которой продвигается расследование. Они любят представлять себе напряженные споры в кабинетах с опущенными жалюзи и небритых, но грубовато-красивых следователей, фанатично преданных своему делу и тем самым доводящих себя до стресса, пьянства и развода. А в реальной жизни в конце рабочего дня, если только не приходится срочно проработать какую-нибудь зацепку, вы отправляетесь домой, дабы причаститься простым радостям вроде выпивки и сна. И, если повезет, контакта с представителем интересующего вас пола и сексуальной ориентации. Утром я непременно сделал бы хоть что-то из перечисленного, но увы – я, помимо прочего, последний ученик мага во всей, чтоб ее, Англии. И значит, на досуге должен изучать магию, зубрить мертвые языки и штудировать книги типа «Очерки по метафизике» авторства Джона «даешь-побольше-слов-в-словах» Картрайта.

Ах да, и еще изучать магию – ради чего, собственно, все и затевалось.

Заклинание звучит так: *Люкс иактус скиндере*. Можно прочитать его тихо, можно громко, можно встать в эпицентре грозы в эффектную позу и драматично продекламировать, но никакого эффекта не будет. Потому что слова – всего лишь названия *форм*, возникающих у вас в голове: *люкс* – чтобы создать свет, *скиндере* – чтобы зафиксировать его на месте. Если вы все сделаете правильно, то получите неподвижный источник света. А если неправильно – обгорелую дыру в лабораторном столе.

– А знаете, – сказал Найтингейл, – на моей памяти такого еще не случилось.

Я в последний раз брызнул на столешницу из огнетушителя и заглянул под стол, проверить состояние пола. Отметина там осталась, но дырки, слава богу, не было.

– Ничего у меня не получается, – пожаловался я.

Найтингейл поднялся со своего инвалидного кресла, чтобы взглянуть самому. Он двигался осторожно, берег правый бок. Если он и носил еще повязку на плече, то ее отлично скрывала крахмальная сиреневая рубашка, какие были в моде в эпоху Конституционного кризиса⁷. Молли усердно его откармливала, но мне он по-прежнему казался очень худым и бледным. И конечно, он заметил, что я пялюсь.

– Я был бы очень рад, если бы вы с Молли перестали на меня так смотреть, – сказал наставник. – Я уверенно иду на поправку. Ранения такие я уже получал, так что знаю, о чем говорю.

– Мне продолжать заниматься? – спросил я.

– Нет. Совершенно очевидно, что проблема именно со *скиндере*. Скорее всего, вы потопились к нему перейти. Завтра начнем заново учить соответствующую *форму* и, когда я удостоверюсь, что вы ею овладели в достаточной степени, вернемся к самому заклинанию.

– Ура, – вздохнул я.

– Здесь нет ничего странного, – тихо и доверительно сказал Найтингейл. – Вы должны как следует овладеть основами, иначе все, что вы на них построите, будет искажено – и, разумеется, неустойчиво. В магии нет коротких путей, Питер. Если бы были, ею бы пользовался каждый.

Разве что в передаче «Ищем таланты», подумал я. Вслух Найтингейлу такие вещи говорить не стоит – его чувство юмора не распространяется на искусство, а по телевизору он смотрит только регби.

⁷ Династический кризис – 1936–1937 гг., после смерти короля Георга V преемником престола стал Эдуард VIII, подвергший монархию серьезным испытаниям, желая вступить в брак с американкой Уоллис Симпсон. В ответ на желание короля церковь, правительство и королевская семья решительно заявили: «Или трон, или Симпсон». Эдуард отказался от престола, который занял Георг VI.

Я сделал мину послушного ученика, но Найтингейл вряд ли повелся.

– Расскажите мне о том погибшем музыканте, – потребовал он.

Я выложил все как есть, сделав акцент на мощности *вестигия*, который мы с доктором Валидом ощутили возле трупа.

– И что же, доктор ощутил его так же четко, как вы?

Я пожал плечами:

– Босс, от тела исходил звуковой *вестигий*, настолько сильный, что мы оба даже узнали мелодию. Согласитесь, это подозрительно.

– Соглашусь, – кивнул он, усаживаясь обратно в кресло. – Но почему речь идет именно о преступлении?

– В законодательстве говорится, что вы считаетесь преступником, если незаконно и предумышленно лишили человека жизни. И не важно, каким именно способом вы это сделали.

Я вычитал этот пассаж в блэкстоуновском «Справочнике полицейского», в который предусмотрительно заглянул перед завтраком.

– Было бы интересно послушать, как Уголовная прокуратура оспорила бы это в суде присяжных, – сказал Найтингейл. – Прежде всего вы должны доказать, что он был убит посредством магии. А затем найти того, кто сумел сделать это и сумел придать убийству видимость естественной смерти.

– А вы могли бы это доказать? – спросил я.

Найтингейл задумался.

– Скорее всего, да, – помолчав, ответил он. – Но сначала я должен некоторое время провести в библиотеке. Заклинание должно было быть очень сильным, а мелодия, которую вы услышали, может оказаться *сигнаре* мага, своего рода произвольной личной подписью. Подобно тому, как телеграфисты узнавали друг друга по сигналам, каждый маг творит заклинания в особой, одному ему присущей манере.

– И у меня тоже есть такая подпись?

– Есть, – ответил Найтингейл. – Ваша магия с пугающей частотой поджигает различные предметы.

– Босс, я серьезно.

– В вашем случае для *сигнаре* еще рановато, – сказал Найтингейл, – но любой другой адепт магии легко опознал бы в вас моего ученика.

– А что, есть и другие?

Найтингейл поерзал в кресле, устраиваясь удобнее.

– После войны их осталось очень мало, – сказал он. – И, кроме них, мы с вами последние маги с классическим образованием. Точнее, вы станете таковым, если будете уделять должное внимание занятиям.

– А это мог сделать... кто-то из переживших войну? – спросил я.

– Если джаз – часть *сигнаре*, то нет.

Значит, и их ученики, если они есть, тоже отпадают.

– Стало быть, если это не один из ваших...

– *Наших*, – поправил Найтингейл. – Вы дали клятву и, соответственно, стали одним из нас.

– Если это не один из наших, тогда кто?

Найтингейл улыбнулся:

– Кое-кто из ваших речных друзей обладает такими силами.

Я задумался. Есть бог и богиня реки Темзы, у каждого из них полно вздорных и капризных отпрысков – по одному на каждый приток. И они, несомненно, обладают определенными силами: я своими глазами видел, как Беверли Брук устроила наводнение в Ковент-Гардене, попутно спасая несколько жизней – мою и семейства немецких туристов.

– Но Отец Темза не станет хозяйничать ниже Теддингтонского шлюза, – заметил Найтингейл. – А Матушка Темза не решится нарушить договор с нами. Тайберн, если бы хотела вас уничтожить, действовала бы через официальные инстанции. Флит смешала бы вас с грязью в прессе. А Брент еще слишком мала. И не говоря уже о том, что Сохо находится по другую сторону реки, Эффра, даже если бы хотела прикончить вас с помощью музыки, не выбрала бы для этого джаз.

Еще бы, она же практически богиня-покровительница британского грайма⁸, подумал я и спросил:

– Но есть ведь другие люди? И другие силы?

– Возможно. Но на вашем месте я бы сначала выяснил *как*, а потом уже думал о том, *кто*.

– Что посоветуете?

– Стоит начать, – сказал Найтингейл, – с визита на место преступления.

Правящая элита всегда хотела, чтобы города были чистыми, аккуратными и безопасными. Но, к ее великой досаде, в Лондоне грандиозные проекты по благоустройству никогда не находили должной реализации. Даже после 1666 года, когда от города почти не осталось камня на камне. Это событие отнюдь не заставило архитекторов оставить свои попытки, и в восьмидесятых годах девятнадцатого века силами Столичного управления по строительству были проложены Черинг-Кросс-роуд и Шефтсбери-авеню, для улучшения транспортного сообщения во все стороны – с севера на юг и с востока на запад. В процессе ликвидировали – разумеется, чисто случайно – пресловутые трущобы возле Ньюпортского рынка, уменьшив тем самым число бедняков, неприглядный вид которых мог оскорбить гуляющих горожан. На пересечении этих двух улиц возник Кембридж-Серкус, на его западной стороне нынче находится театр Палас, в характерном мишурном блеске поздневикторианской архитектуры. А рядом с ним стоит другое здание в том же архитектурном стиле. В прежние времена это была таверна «Георгий и Дракон», теперь же здесь клуб под названием «Соль жизни». Который, если верить его афишам, является главной джазовой площадкой Лондона.

Давным-давно, когда мой старик еще выступал на сцене, клуб «Соль жизни» отнюдь не был джазовой меккой. И существовал, по его словам, сугубо для неудачников в водолазках и с козлиными бородками, слушающих фолк и читающих стихи. В шестидесятые там по паре раз выступили Боб Дилан и Мик Джаггер. Но для моего папы эти имена ничего не значат. Он утверждает, что рок-н-ролл – музыка для тех, кто не умеет самостоятельно держать ритм.

Так вышло, что до сего дня я никогда не бывал в «Соли жизни». Перед тем как стать копом, ни разу не пил здесь пиво, а потом ни разу не приезжал сюда забирать дебоширов.

Я специально дождался второй половины дня, чтобы избежать толкотни обеденного времени, и сейчас по площади бродили только туристы. А внутри клуба было пусто, здесь царили приятный полумрак и тишина. Легкий аромат средств для уборки безуспешно пытался перебить запах разлитого пива, въевшийся за многие годы. Мне захотелось как следует прочувствовать это место, и я решил сделать это самым естественным способом: сесть за стойку и выпить пива. Но, поскольку я был на работе, взял всего полпинты. В отличие от большинства пабов Лондона, «Соль жизни» умудрилась сохранить в интерьере блестящую медь и полированное дерево и не скатиться при этом в безвкусицу. Я встал возле стойки и взял свою кружку. И после первого же глотка на меня нахлынули запах конского пота, стук молотков по наковальне, крики, смех, запах табака и отдаленный женский визг – словом, обычная смесь для любого старого паба в Лондоне.

⁸ Грайм – музыкальный жанр, возникший в начале 2000-х годов в Восточном Лондоне (Ист-Энд) на стыке гэриджа и хип-хопа.

Сыновья Мусы ибн Шакира⁹ были храбры и умны. Не будь они мусульманами, непременно стали бы святыми покровителями задротов-технарей. Они знамениты своим багдадским бестселлером девятого века – справочником хитроумных механических штуковин, который, исполнившись вдохновения, обозвали *Китаб-аль-Хайяль*, то есть Книга Хитроумных Штуковин. Они описали в ней то, что было, наверное, самым первым прибором для измерения перепада давления. Тут-то все и завертелось. В 1593 году Галилео Галилей, оторвавшись на время от астрономии и несения ереси в массы, изобрел термоскоп для измерения высоких температур. В 1833-м Карл Фридрих Гаусс придумал прибор для измерения силы магнитного поля, и, наконец, Ганс Гейгер создал в 1908 году детектор ионизирующего излучения. С этого момента астрономы получили возможность обнаруживать самые дальние планеты и звезды путем измерения колебания их орбит. А умники, которые сидят в ЦЕРНе¹⁰, расщепляют частицы в надежде, что однажды явится Доктор Кто и прикажет им прекратить. История того, как мы пытаемся измерить окружающий мир, *и есть* история самой науки.

А что есть у нас с Найтингейлом для измерения *вестигиев*? Ни черта у нас нет – и если бы мы еще понимали, что, собственно, нужно измерять! Неудивительно, что наследники Исаака Ньютона так надежно прятали магию под своими завитыми париками. Я в шутку разработал собственную «шкалу» для измерения *вестигиев*, где взял за основу количество звуков, которые издает Тоби при встрече с остаточной магией. Единицу измерения я назвал «тявк» – один тявк означает *вестигий*, достаточно сильный для собачьего восприятия, но незаметный для меня.

Таким образом, согласно Международной системе единиц, фон обычного паба в центре Лондона составляет 0,2 тявка (0,2 Т), или 200 милитявков (200 мТ). Произведя такой подсчет, я удовлетворенно допил пиво и направился вниз по лестнице. Там, на цокольном этаже, собственно, и играли джаз.

Скрипучие ступеньки привели меня в Бар-за-сценой – помещение в форме неровного восьмиугольника, размеченное кургузыми белесыми колоннами. Они, очевидно, выполняли функции опор, потому что элементами дизайна быть уж никак не могли. И вот, стоя на пороге и пытаясь уловить здешнюю фоновую магию, я вдруг ощутил, что в ход расследования вот-вот вмешаются мои же собственные детские воспоминания.

В 1986 году Кортни Пайн выпустил пластинку *Journey to the urge within*, и джаз снова вошел в моду. Тогда же мой отец в третий и последний раз ощутил дыхание богатства и славы. Я никогда не ходил на его концерты, но во время каникул он частенько брал меня с собой в клубы и студии звукозаписи. Есть вещи, которые запоминаются не сознанием, а чем-то глубже: запахи выдохшего пива и табачного дыма, голос трубы, когда трубач «разогревается» перед концертом. Здесь, внизу, запросто можно было отхватить *вестигиев* на все двести килотявков – и я не был уверен, что отличил бы их от своих собственных воспоминаний.

Жаль Тоби остался дома, от него толку было бы больше. Я подошел ближе к сцене – авось там что-то распознаю.

Папа всегда говорил, что трубач нацеливает свой инструмент прямо на публику, словно ружье. А вот саксофонист любит стоять боком, показывая профиль, причем вырабатывает для этого любимую позу. Папа свято верит: настоящий музыкант ни за что не возьмет в руки саксофон, если сознает, что во время игры выглядит неидеально. И вот я встал на сцене, попытался изобразить из себя настоящего саксофониста с гордым профилем – и вдруг что-то почувствовал справа, ближе к краю. Сперва услышал легкий звон, а затем мотив «Тела и души». Он звучал словно бы издали – тихий, навязчивый, сладковато-горький.

– Есть, – прошептал я.

⁹ Муса ибн Шакир – средневековый персидский астроном, отец трех сыновей – Мухаммада, Ахмада и ал-Хасана, выдающихся ученых, известных как Бану Муса («сыны Мусы»).

¹⁰ ЦЕРН – Европейский центр ядерных исследований.

Поскольку в моем распоряжении был всего-то магический отголосок конкретной джазовой мелодии, я решил, что пора выяснить, с какой именно из нескольких сотен ее кавер-версий я имею дело. И здесь требовался знаток джаза, настолько увлеченный, настолько преданный этой музыке, что отдал ей свое здоровье, пожертвовал семейной жизнью и любовью собственных детей.

Пришло время навестить моего папашу.

Как бы я ни любил ездить в «Ягуаре», для рутинной полицейской работы он слишком уж шикарный. Поэтому в тот день я сел в старенький «Форд», списанный из полицейского парка. Несмотря на все мои усилия, в этой машине все еще пахло копами и мокрой псиной. Она у меня стояла на Ромилли-стрит, с полицейским пропуском на лобовом стекле – волшебным талисманом, отгоняющим эвакуаторов. Один мой приятель поставил на эту машину двигатель от «Вольво», что ощутимо добавило ей прыти. Сейчас это было очень кстати, ибо пришлось объезжать автобусы-гармошки на Тоттенхэм-Корт-роуд по пути на север, в Кентиш-Таун.

У каждого лондонца есть своя территория – совокупность мест, где он чувствует себя как дома. Это может быть район, где вы живете или ходили в школу, где работаете или занимаетесь спортом. А может быть любимый паб в Вест-Энде, куда вы ходите попить пивка, или же район вокруг вашего участка, если вы работаете в полиции. Но если вы коренной лондонец (а нас таких здесь, вопреки расхожему мнению, большинство), то ваша территория – это прежде всего место, где вы выросли. Улица, по которой вы ходили в школу, на которой первый раз обжимались с девчонкой или напились и вывалили на асфальт съеденную курицу в остром соусе, почему-то всегда дарит особое ощущение надежности и уюта. Я родился и вырос в Кентиш-Тауне – этот район мог бы считаться зеленой окраиной Лондона, будь он позеленее и поближе к окраине. А также если бы тут было поменьше муниципальных домов для малоимущих. Один из таких домов, а именно Пекуотер-Истейт, и есть мое родовое гнездо. При его возведении архитекторы успели смириться с мыслью, что пролетарии, которые тут поселятся, хотели бы иметь в квартирах санузлы и возможность хоть иногда мыться. Но не успели понять, что означенные пролетарии могут родить по нескольку детей вместо одного. Возможно, они посчитали, что три спальни на квартиру как раз и послужат рабочему классу стимулом для размножения.

Одно преимущество у этого дома все же было: внутренний дворик, переделанный в парковку. Я нашел свободный пяточок между «Тойотой Эйго» и стареньким потрепанным «Мерседесом» с боковой панелью капота явно от другой машины. Припарковавшись, я вышел из машины, нажал кнопку, блокируя замок, и спокойно двинулся прочь, понимая, что меня тут знают все, а стало быть, никто и не подумает угонять мою тачку. Вот что значит «своя территория». Хотя, честно говоря, я подозревал, что мою маму здешние хулиганы боятся значительно больше, чем меня. В конце концов, что я могу им сделать? Всего-то навсего арестовать.

Открыв дверь родительской квартиры, я, к своему удивлению, услышал джазовую мелодию *The way you look tonight*, исполняемую на синтезаторе. Она доносилась из главной спальни. Мама лежала на единственном нормальном диване в гостиной. Как пришла с работы: в джинсах, серой водолазке и головном платке с пестрым набивным рисунком. Глаза у нее были закрыты. Я изумленно осознал, что магнитофон молчит и даже телевизор выключен. В нашем доме телевизор не выключался никогда, даже в дни, когда кого-то хоронили. Особенно в такие дни.

– Мама?

Не открывая глаз, она приложила палец к губам, а потом указала на дверь спальни.

– Там папа? – удивился я.

Мамины губы изогнулись в неторопливой блаженной улыбке, знакомой мне лишь по старым фотографиям. В начале девяностых третье и последнее возвращение моего отца на сцену

закончилось тем, что он потерял свой саксофон прямо перед выступлением в студии Би-би-си-2. После этого мама с ним не разговаривала полтора года. Думаю, она приняла это слишком близко к сердцу. В столь же расстроенных чувствах я ее видел только однажды, на похоронах принцессы Дианы, но тогда она скорбела вместе со всеми и находила это менее неприятным.

Музыка все лилась – проникновенная, душевная. Помню, мама, вдохновившись фильмом «Клуб «Буэна Виста»¹¹, купила отцу синтезатор – но не помню, чтобы он когда-либо учился на нем играть.

Когда музыка стихла, я отправился в крошечную кухню и заварил две чашки чая. Услышал, как мама завозилась на диване и вздохнула. Вообще я не фанат джаза, но в детстве частенько служил отцу мальчиком на побегушках, ставя в проигрыватель пластинки из его коллекции, когда сам он был не в силах. Поэтому сразу узнаю хорошую музыку.

Папа играл очень хорошую музыку, а именно All blues, но без хитровывернутых импровизаций: просто воспроизводил красивую печальную мелодию, как она есть.

Я вернулся в гостиную и поставил мамину чашку на журнальный столик из искусственного дерева «под каштан». Потом уселся и стал наблюдать, как она слушает папину игру.

К сожалению, он довольно скоро закончил. Последний раз пробежался пальцами по клавишам – и все. Мама вздохнула и села на диване.

– Зачем пожаловал? – спросила она.

– Повидаться с папой, – ответил я.

– Молодец, – кивнула она и глотнула чая из своей кружки. – Совсем остыл. Налей горячего.

Когда папа вышел в гостиную, я был в кухне. Он поздоровался с мамой, а потом я услышал непонятные влажные звуки, в которых с изумлением узнал поцелуи. И чуть не пролил чай.

– Перестань, – шепнула мама, – Питер приехал.

Папа заглянул в кухню.

– Это не к добру, – заявил он. – А может, и мне заодно чайку нальешь?

Я кивнул на вторую кружку на столе.

– Надо же, – протянул он.

Когда я наконец выдал обоим чаю, папа спросил, зачем же я все-таки приехал. Причина относиться к моим визитам настороженно у них, что ни говори, была: прошлый раз я внезапно явился после того, как спалил рынок в Ковент-Гардене – ну, почти спалил.

– Мне нужна твоя помощь, это связано с джазом, – ответил я.

Папа самодовольно улыбнулся.

– Тогда добро пожаловать в кабинет, – сказал он, – доктор Джаз готов помочь.

Если в гостиной властвовала мама со своей многочисленной родней, то спальня принадлежала папе и его коллекции пластинок. По семейной легенде стены здесь вообще светло-коричневые, но никто не может это подтвердить, ибо стены до последнего дюйма закрывают деревянные, обитые сталью стеллажи. На каждой их полке виниловые пластинки, составленные аккуратно пачками вертикально, чтобы не попадали прямые солнечные лучи. Когда я переехал отсюда, мамин старый разваливающийся шкаф с большей частью ее обуви тут же водворился в моей комнате. И теперь в спальне только-только хватало места для двуспальной кровати, громоздкого синтезатора и стереосистемы.

Я сообщил папе, что именно меня интересует, и мы принялись доставать пластинки с полка. Начали, как я и предполагал, с Коулмена Хоукинса и его знаменитой записи 1938 года на студии «Синяя птица». Напрасная трата времени – Хоукинс слишком уж отклонился от

¹¹ «Клуб «Буэна Виста» (англ. Buena Vista Social Club, 1999) – документальный фильм немецкого режиссера Вима Вендерса о музыке Кубы. Свое название фильм получил в честь клуба в Гаване, который был средоточием кубинской музыки в 1940-е годы.

оригинальной мелодии. Но я озвучил эту мысль только после того, как отец дослушал песню до конца.

– Пап, та, что я слышал, была в оригинальной аранжировке. Классическая мелодия и все такое прочее.

Папа кряхтя полез в коробку с десятидюймовыми пластинками. Через некоторое время он извлек оттуда коричневый картонный конверт, с трех сторон проклеенный изоляцией. Там находилась шеллаковая пластинка с черно-золотым Викторовским логотипом – запись трио Бенни Гудмена. У папы проигрыватель фирмы «Гаррард», и на нем можно слушать десятидюймовые пластинки, только надо сначала сменить головку звукоснимателя. Я осторожно снял Ортофон и пошел искать Стентон. Он обнаружился на своем обычном месте – на полке, прямо за стереосистемой, и лежал иглой вверх для пущей ее сохранности. Пока я возился с проигрывателем, папа с благоговением извлек из конверта диск и со счастливой улыбкой принялся его рассматривать. Потом протянул мне. Диск оказался неожиданно увесистым, гораздо тяжелее обычных виниловых пластинок – думаю, те, кто вырос на компакт-дисках, даже и поднять-то его не смогли бы. Я аккуратно взял его между ладоней и поставил в проигрыватель.

Игла вошла в дорожку, раздалось шипение и треск, сквозь которые мы услышали кларнетное вступление Гудмена. Потом соло Тедди Уилсона на клавишах, потом снова кларнет Бенни. Партия Крупы на ударных была здесь, к счастью, весьма скромной. Это уже гораздо больше походило на мелодию, которую играл покойный мистер Уилкинсон.

– Нет, мне нужна более поздняя запись, – сказал я.

– Сколько хочешь, – ответил папа, – эту-то записали всего лет через пять после выхода самой песни.

Мы проверили еще пару таких же пластинок, в том числе и запись Билли Холидея сорокового года. Его мы слушали достаточно долго, потому что Леди Дей – одна из немногих вещей, в отношении которых наши с папой вкусы совпадают. Печальная, медленная, она-то и помогла мне понять, чего не хватает.

– Там был затактовый ритм, – сказал я. – Музыкантов было больше, и мелодия была более свинговая.

– Свинговая? – переспросил папа. – Это же «Тело и душа», она никогда не была, да и не должна быть свинговой.

– Да ладно, – сказал я, – кто-нибудь наверняка делал такую аранжировку, хотя бы и специально для белых.

– Но-но, не умничай, – сказал папа. – А вообще я, кажется, понял, что нам нужно.

С этими словами он сунул руку в карман и достал прямоугольный предмет из стекла и пластика.

– Надо же, ты взял себе Айфон, – заметил я.

– Айпод, если быть точным, – отозвался родитель. – У него неплохой динамик.

И этот человек пользуется усилителем «Квад» полувековой давности, потому что он не транзисторный, а ламповый! Протянув мне наушники, он провел пальцем по экрану Айпода так уверенно, словно всю жизнь пользовался сенсорными гаджетами.

– Послушай-ка вот эту.

Это была она. Оцифрованная, конечно, однако все помехи и шумы, способные порадовать ценителя старых записей, полностью сохранились. Четкая оригинальная мелодия «Тела и души» – и при этом достаточно свинговый ритм, чтобы под нее можно было танцевать. Если и не именно эта запись звучала рядом с телом Уилкинсона, то однозначно в исполнении того же коллектива.

– Кто это? – спросил я.

– Кен Джонсон, – ответил папа, – Змеиные Кольца¹² собственной персоной. Это запись с пластинки Blitzkrieg babies and bands, очень неплохо оцифрованная. На обложке указано, что на трубе играет «Болтун» Хатчинсон. Но совершенно очевидно, что это Дейв Уилкинс, стиль совсем другой.

– Когда записана?

– В тридцать девятом в студии «Декка», в Хемпстед, – сказал папа. И подозрительно сощурился: – Это ведь ты по работе спрашиваешь? В прошлый раз из тебя слова было не вытянуть о том, чем ты занимаешься.

Но на эту удочку я попадаться не собирался и сменил тему:

– А с чего ты вдруг сел за клавиши?

– Хочу вернуться на сцену, – ответил родитель, – и стать новым Оскаром Питерсоном¹³.

– Серьезно?

Это было чересчур самонадеянно даже для моего папаши.

– Серьезно, – кивнул он и подвинулся на диване поближе к синтезатору. Пару тактов «Тела и души» сыграл, не слишком импровизируя, а остальное преподнес в совсем другом стиле, который я вряд ли когда-нибудь смогу понять и полюбить. Похоже, моя реакция разочаровала папу: он не перестает надеяться, что однажды я dorасту-таки до настоящей музыки. Но, с другой стороны, все бывает в этой жизни – завел же он себе Айпод.

– А что случилось с Кеном Джонсоном?

– Погиб во время «Лондонского Блица»¹⁴, – ответил отец, – вместе с Элом Боули и Лорной Сэвидж. Тед Хит говорил, иногда им казалось, что Геринг лично за что-то ненавидит джазовых музыкантов. По его словам, во время Североафриканской кампании¹⁵ он чувствовал себя в большей безопасности, чем на своих же концертах в Лондоне.

Я сильно сомневался, что конечная цель моих поисков – мстительный дух рейхсмаршала Германа Геринга, но проверить на всякий случай стоило.

Мама вытурила нас из спальни, чтобы переодеться. Я заварил еще чаю, и мы уселись в гостиной.

– Так вот, – сказал он, – я скоро буду играть с какой-нибудь группой.

– На клавишах? – переспросил я.

– Ритм есть ритм, – отозвался папа, – а инструмент – всего лишь инструмент.

Да, джазмен живет, чтобы играть.

Мама вышла из спальни в желтом открытом сарафане и на сей раз без головного платка. Волосы у нее были разделены на прямой пробор и заплетены в четыре толстые косы, при виде которых папа улыбнулся. Когда я был маленьким, мама выпрямляла волосы строго раз в полтора месяца. Да и каждый выходной я наблюдал, как какая-нибудь тетушка, кузина или просто соседская девчонка сидит в гостиной и мучает свои волосы химией, дабы выпрямить. И если бы я в десятом классе не пошел на дискотеку с Мегги Портер, у которой мама занималась автострахованием, а папа нагонял на меня ужас и чьи кудрявые волосы свободно ниспадали на плечи, то вырос бы с убеждением, что у всех чернокожих девушек волосы по природе своей

¹² Кен Джонсон по прозвищу Змеиные Кольца – один из первых чернокожих британских поп-звезд. Он создал свою негритянскую музыкальную группу, впервые в Англии исполнявшую свинг. Тогда же он получил прозвище Змеиные Кольца, благодаря тому, что начал заплетать волосы в косички, эту манеру позднее перенял ямайский музыкант Боб Марли.

¹³ Оскар Питерсон – легендарный канадский джазовый пианист, композитор, руководитель трио, преподаватель и один из самых выдающихся пианистов – виртуозов джаза.

¹⁴ «Лондонский Блиц» – бомбардировка Великобритании нацистской Германией в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941-го, часть Битвы за Британию. Хотя «блиц» был направлен на многие города по всей стране, он начался с бомбардировки Лондона в течение 57 ночей подряд. К концу мая 1941 года более 40000 мирных жителей, половина из них в Лондоне, были убиты в результате бомбардировок. Большое количество домов в Лондоне были разрушены или повреждены.

¹⁵ Североафриканская кампания (10 июня 1940 года – 13 мая 1943 года) – военные действия между англо-американскими и итало-немецкими войсками в Северной Африке – на территории Египта и Магриба во время Второй мировой войны.

пахнут гидроксидом калия. Лично мои вкусы в этом вопросе совпадают с папиными: мне нравится, когда волосы распущены или заплетены в косу. Но первое правило насчет волос чернокожей женщины гласит: не говорите о ее прическе. А второе – никогда, *ни при каких обстоятельствах* не прикасайтесь к ее волосам без письменного разрешения. В том числе после секса, свадьбы или смерти, если уж на то пошло. И правила эти незыблемы.

– Тебе надо постричься, – заметила мама. Ее «постричься» означает побриться наголо и ходить, сверкая лысой макушкой. Я пообещал, и она направилась в кухню готовить обед.

– Я родился во время войны, – сказал отец. – Твою бабушку эвакуировали до того, как я родился, и поэтому в свидетельстве о рождении у меня значится Кардифф. Но, к счастью для тебя, еще до конца войны мы вернулись в Степни.

Иначе стали бы валлийцами, а в папином представлении это еще хуже, чем быть шотландцами.

Он рассказал, каково было жить и расти в послевоенном Лондоне. Тогда в головах у людей война еще продолжалась – из-за руин, оставшихся после бомбежек, из-за продуктов, которые выдавались по карточкам, из-за поучений по Би-би-си.

– Разве что бомбить перестали, – добавил он. – Но в те дни еще не забыли о Боули, погибшем при взрыве на Джермин-стрит, и о Глене Миллере, не вернувшемся из боевого вылета в сорок четвертом. А тебе известно, что он был самым настоящим майором американских ВВС? Он ведь до сих пор числится пропавшим без вести.

Но в пятидесятых быть молодым и талантливым означало стоять на самом пороге новой жизни.

– Впервые я услышал «Тело и душу» в клубе «Фламинго», – вспоминал он дальше, – в исполнении Ронни Скотта, который тогда еще только-только становился Ронни Скоттом. В конце пятидесятых клуб «Фламинго» словно магнит притягивал чернокожих летчиков с Лейкенхита и других американских баз.

Им нужны были наши девушки, – пояснил папа, – а нам их музыка. Им всегда удавалось достать все самые модные пластинки. Идеальный, можно сказать, союз был.

Вошла мама с кастрюлей в руках. В нашей семье на обед всегда готовилось два разных блюда. Одно мама делала для себя, другое, гораздо менее острое – для папы. Папа предпочитал рису белый хлеб с маргарином, что грозило бы проблемами с сердцем, не будь он худым как щепка. А я наворачивал то рис, то хлеб, благодаря чему обрел такую мужественную статью и чеканный профиль.

Себе мама приготовила маниоку, а папе – рагу из баранины. Я выбрал рагу, потому что маниока мне не очень нравится, особенно когда мама доверху заливает ее пальмовым маслом. А еще она сыплет туда столько перца, что жидкость становится красной. Рано или поздно один из ее гостей самовоспламенится прямо за обеденным столом, это я вам точно говорю.

Мы уселись в гостиной за большой стеклянный стол. В центре его стояла пластиковая бутылка минералки «Хайленд Спринг», вокруг лежали розовые салфетки и хлебные палочки в целлофановой упаковке. Все это мама умыкнула из офиса, где трудилась уборщицей. Я намазал папе бутерброд.

Поглощая еду, я заметил, что мама пристально на меня смотрит.

– Что такое? – спросил я.

– Жаль, что ты не умеешь играть, как отец.

– Зато я пою, как мама, – ухмыльнулся я, – а готовлю, к счастью, как Джейми Оливер.

Она шлепнула меня по ляжке:

– Думаешь, раз ты вырос, я не могу тебя поколотить?

Даже и не помню, когда мы последний раз вот так сидели за обеденным столом – только троим, без десятка дальних и близких родственников. Более того, в моем детстве такого тоже

особо не было: всегда в доме гостила какая-нибудь тетушка, или дядюшка, или кузина, гнусная похитительница конструктора Лего (не подумайте, я вовсе не жадный!).

Кузину я вспомнил вслух, и мама тут же заявила, что она как раз недавно получила в Сассексе диплом инженера. Ну и отлично, подумал я, вот там пусть и тырит у народа конструкторы. И заметил в ответ, что вообще-то служу констеблем в криминальной полиции, в особо секретном отделе.

– И в чем заключается твоя работа? – спросила мама.

– Мам, это тайна, – ответил я, – и, если я ее раскрою, мне придется тебя убить.

– Он там волшебствует, – вставил папа.

– У тебя не должно быть секретов от родной матери, – не сдавалась мама.

– Мам, ты веришь в магию?

– Не шути так, – фыркнула она. – Сам знаешь, наука ведь не все может объяснить.

– Да, зато оставляет много вопросов.

– Но ты ведь не колдуешь по-настоящему, а? – спросила она, вдруг посерьезнев. – Я и без того за тебя волнуюсь!

– Я клянусь, что не вожусь ни с какими злыми духами или другими сверхъестественными созданиями, – заявил я.

Это, кстати, правда – и не в последнюю очередь потому, что сверхъестественное создание, с которым я бы не прочь водиться, пребывает нынче в изгнании, при дворе Батюшки Темзы. Печальный сюжет: я полицейский в низшем чине, она богиня небольшой речушки на юге Лондона. У нас все равно бы ничего не получилось.

Когда мы поели, я вызвался помыть посуду. Пытаясь с помощью полбутылки «Сейнзбери» отмыть от пальмового масла сковородку, я слушал, как за стенкой разговаривают родители. Телевизор все еще молчал, и мама целых три часа подряд ни с кем не болтала по телефону. Это уже было, мягко говоря, слегка необычно. Когда я домыл посуду и вышел в гостиную, родители сидели на диване, держась за руки. Я спросил, хотят ли они еще чаю, но они отказались и улыбнулись странно одинаковыми, слегка отстраненными улыбками. И до меня дошло: они ждут не дождутся, когда я свалю, чтобы немедленно отправиться в постель. Поспешно прихватив куртку, я поцеловал маму и пулей вылетел за дверь. Есть вещи, о которых даже взрослые дети думать не хотят.

Я ехал в лифте, когда позвонил доктор Валид.

– Вы видели мое письмо? – спросил он.

Я ответил, что гостил у родителей и еще не проверял почту.

– Я проанализировал статистику смертности джазовых музыкантов на территории Лондона, – сказал доктор. – Вы обязательно должны увидеть ее как можно скорее. Завтра, как только посмотрите, сразу позвоните мне.

– Есть ли там что-то, что мне надо знать прямо сейчас?

Двери лифта открылись, я вышел в подъезд. Вечер был довольно теплый, и снаружи у выхода тусовалась пара подростков. Один из них вылупился на меня, но я ответил не менее наглым взглядом, и он отвернулся. А я говорил: это моя территория. И да, я отлично помню себя на его месте.

– Судя по моим цифрам, можно утверждать, что за прошедший год от двух до трех джазовых музыкантов гибли меньше чем через сутки после своего выступления в пределах Большого Лондона.

– Я так понимаю, это значимая статистика?

– Вы все узнаете из письма, – ответил доктор. Я подошел к машине, как раз когда он положил трубку.

Пора в техкаморку, решил я.

Если верить Найтингейлу, Безумство защищено многоступенчатым магическим охраняемым комплексом. Обновлялся он в последний раз в 1940 году, чтобы монтеры с телеграфа могли протянуть в здание коаксиальный телефонный кабель (по тем временам – последнее слово науки и техники) и установить современный коммутатор. Его я обнаружил в нише в фойе у главного входа, под чехлом из плотной ткани. Это был изящный шкафчик из стекла и красного дерева, с медными рычажками, которые ярко блестели благодаря навязчивому стремлению Молли все полировать.

Найтингейл утверждает, что эта магическая защита жизненно необходима – правда, никак это не аргументирует. И добавляет еще, что лично он не имеет права снимать ее по собственной инициативе. Таким образом, о проведении широкополосного кабеля не шло и речи, и некоторое время казалось, что скоро я неминуемо погрязну в средневековой дремучести.

Однако особняк Безумство, к счастью, выстроен в стиле английского ампира – в то время модно было строить конюшни позади господского дома, так, чтобы лошади и не менее духовитые конюхи находились с подветренной стороны от своих хозяев. А стало быть, и каретный сарай, перестроенный теперь в гараж, тоже располагался за домом. На втором его этаже была мансарда, где жила прислуга. В более поздние времена здесь устраивали вечеринки молодые раздолбаи, которых тогда в особняке было больше одного. Средства магической защиты – Найтингейлу почему-то не нравится, когда я называю их «силовыми полями», – пугали лошадей и поэтому на каретный сарай не распространялись. Это значило, что сюда я могу свободно провести широкополосный кабель, и тогда хоть в одном уголке Безумства воцарится наконец двадцать первый век.

Над каретным сараем был чердак с огромным окном в крыше. Здесь стояли кушетка, шезлонг, плазменный телевизор и кухонный стол из «Икеи», который мы с Молли собирали три распроклятых часа. Воспользовавшись тем, что Безумство является отдельной частью оперативного командования, я выпросил у информационного отдела с полдюжины гарнитур Эйрвейв с док-станцией и выходом в ХОЛМС2. А еще притащил сюда свой рабочий ноутбук, запасной ноутбук и приставку «Плейстейшн» – правда, ее пока не успел даже распаковать. Вот почему на двери снаружи теперь висит большой плакат с надписью «Не колдовать, а то будет больно!». Это и есть моя техкаморка.

Включив компьютер, я первым делом увидел письмо от Лесли с темой «*Мне скучно!*» и отправил ей отчет доктора Валида о вскрытии Уилкинсона, чтобы было чем заняться. А потом зашел в Национальную сеть полиции, чтобы проверить водительские права Мелинды Эббот. Данные в ее документах полностью совпадали с анкетой в базе. Я решил заодно пробить информацию по Симоне Фитцуильям, но выяснил только, что она никогда не покупала машину и не сдавала экзамен на водительские права. А также никогда не совершала преступлений и не становилась их жертвой на территории Великобритании. Либо же данные об этом были утеряны или неправильно загружены в базу. Или, например, она могла недавно сменить фамилию. На большее информационные технологии, к сожалению, не способны, поэтому полицейские до сих пор лично допрашивают свидетелей и записывают данные в маленькие черные блокнотики. На всякий случай я поочередно загрузил имена обеих дам. У Мелинды Эббот обнаружилась страничка на «Фейсбуке» – вообще пользователей с таким именем и фамилией там оказалось аж три. А вот Симона Фитцуильям, похоже, вообще жила вне интернета.

Потом я таким же образом проверил всех погибших джазменов из списка доктора, обратив внимание, что там нет ни одной женщины. По телику любят показывать заумные расследования, где сопоставляется множество данных из разных источников. Выглядит очень реалистично, вот только никогда не показывают, как чертовски долго собираются эти данные. Ближе к полуночи я добрался наконец до последней строчки списка, но по-прежнему не понимал, в чем же тут дело.

Достав из холодильника банку «Ред Страйп», я открыл ее и сделал хороший глоток.

Итак, фактический факт номер раз: за последние пять лет два-три джазмена в год умирают в течение суток после своих концертов в черте Большого Лондона. Судмедэксперты каждый раз констатируют смерть в результате передозировки запрещенных веществ либо по «естественным причинам»: в основном сердечные приступы, ну и несколько аневризм аорты для разнообразия.

Доктор прислал еще один список: все, кто называл себя музыкантами и при этом умер в указанный период. Фактический факт номер два: прочие музыканты, конечно, с удручающей частотой умирали «естественной смертью» – но не гибли от раза к разу непосредственно после концерта. В отличие от джазменов.

И фактический факт номер три: Сайрес Уилкинсон нигде не значился как музыкант; он был финансистом. Но ведь никто не пишет в графе «профессия», что он артист или фрилансер, иначе рейтинг кредитоспособности будет ниже, чем у Исландского банка. Что и приводит нас к фактическому факту номер четыре: мой нынешний статистический анализ был чуть менее чем полностью бесполезен.

И все же по три джазмена в год... таких совпадений не бывает.

Но для Найтингейла, конечно, это слишком хлипкий довод. И потом, он ждет, что с завтрашнего утра я начну оттачивать свое *скиндере*. Я закрыл все файлы, выключил компьютер, выдернул вилку из розетки. Это полезно для окружающей среды и, главное, не дает моим дорогостоящим гаджетам случайно поджариться под воздействием магии.

В особняк я вернулся через кухонную дверь. Убывающая луна ярко освещала атриум через окно в крыше, и я погасил свет перед тем, как подняться в свою комнату. На противоположной стороне кругового балкона я заметил светлую фигуру, она беззвучно скользила среди размытых теней, протянувшихся со стороны библиотеки. Это, конечно, была Молли, занятая чем-то, чем обычно занимается по ночам. Достигнув наконец своих владений, я почувствовал запах плесневелого коврика. Он означал, что Тоби в очередной раз улегся спать у меня под дверью. Песик лежал на спине, его тонкие ребра под жестким мехом мерно вздымались и опадали. Фыркнув, он дернулся, задние лапы лягнули воздух – это соответствовало, по крайней мере, пятистам миллиграммам остаточной магии. Я тихонько, чтобы не разбудить его, вошел в спальню и аккуратно прикрыл дверь.

Забравшись в кровать, написал Лесли: «И ЧЕ ТЕПЕРЬ ДЕЛАТЬ?». Потом погасил ночник.

Наутро я прочитал ответ: «БАЛДА, ПОГОВОРИ С ГРУППОЙ!»

3. Полный стакан печали¹⁶

Найти группу Сайреса оказалось довольно просто: в клубе «Соль жизни» мне дали контакты музыкантов, и вскоре мы договорились встретиться все вместе в пабе «Френч-хаус» на Дин-стрит. Встречу назначили вечером – днем все они работали. Меня это вполне устраивало, ибо латынь еще предстояло зубрить и зубрить. Я направился в Сохо сразу после шести. Когда пришел, они уже ждали меня, подпирая стену, увешанную портретами людей, чья слава гремела как раз тогда, когда мой папа уже ушел со сцены.

В афише «Соли жизни» мои музыканты значились как «Квартет Получше», но мне они показались совсем непохожими на джаз-бэнд. Басисты – это почти всегда солидные дядечки, но Макс (настоящее имя Дерек) Харвуд оказался невзрачным белым парнем лет тридцати с небольшим. Под пиджаком у него был простецкий джемпер в ромбик марки «Маркс и Спенсер».

– Когда я пришел, в группе уже был один Дерек, – пояснил Макс, – вот я и стал Максом, чтобы не было путаницы.

Сказав это, он вяло отхлебнул пива. По первой кружке всем поставил я и теперь ощущал некоторое разочарование. Макс работал в Лондонском метро специалистом по каким-то компьютерным системам – вроде бы оповещения.

Пианист, Дениэл Хоссэк, получил высшее педагогическое образование и теперь преподавал музыку в Вестминстере, в школе для неизлечимо богатых. У него были редкие светлые волосы и круглые очки в темной оправе. В колледже его природная доброта и тактичность наверняка давали повод острякам нижней шестерки¹⁷ (то есть, по новой системе, двенадцатого класса) власть поиздеваться над ним.

– А как так получилось, что вы собрались вместе? – спросил я.

– Да как-то само собой, – ответил Джеймс Локрейн, барабанщик. Этот низенький воинственный шотландец преподавал французскую историю в Университете Королевы Марии. – Правильнее было бы сказать, что мы объединились примерно два года назад...

– Скорее уж три, – возразил Макс. – В пабе Селкирк, у них джаз по воскресеньям. Сай как раз живет неподалеку, так что он там завсегда.

Дениэл нервно перебрал пальцами по стеклу своей кружки.

– На сцену вышли какие-то дилетанты, они мучили... я уже даже не помню что.

– Может быть, «Тело и душу»? – спросил я.

– Да нет, – ответил Джеймс, – это был «Святой Томас».

– Которого они просто убили на фиг, – добавил Дениэл. – Ну, Сай и заявил вполне себе громко, чтобы и на сцене услышали: спорим, мол, что любой из нас сыграет лучше?

– А это, как ты понимаешь, не совсем этично, – вставил Макс. Все трое обменялись ехидными ухмылками. – Не успел я оглянуться, как мы уже сидели за одним столом, заказывали выпивку и говорили о джазе.

– То есть объединились, как я и сказал, – добавил Джеймс.

– Да, отсюда и пошло наше название – «Квартет Получше», – сказал Дениэл.

– И как, вы вправду были лучше тех?

– Не сильно, – ответил Макс.

– Честно говоря, даже хуже, – признался Дениэл.

¹⁶ A Long Drink of the Blues – альбом, записанный в 1957 году американским альт-саксофонистом Джеки Макклином.

¹⁷ Термин Sixth Form относится к школьным годам Year 12 и Year 13, которые во многих школах называют Lower Sixth и Upper Sixth. Также они могут быть обозначены как L6 и U6. Сам термин происходит из более ранней системы образования в Англии. Хотя сама система была изменена в 1990–1991 годах, термин Sixth Form решено было сохранить.

– Но потом немного исправились, – рассмеялся Макс. – А репетировали у Сая дома.
– Причем много репетировали, – добавил Макс и осушил свою кружку. – Ну, парни, кому чего?

Во «Френч-хаусе» пиво не подается в пинтах, поэтому Макс взял на всех бутылку крафтового красного. Я заказал полпинты светлого – день выдался длинный, и к тому же ничто не вызывает такую жажду, как латинские склонения.

– Два или три раза в неделю, – уточнил Макс.

– Так у вас, стало быть, появились амбиции? – спросил я.

– Да нет, никто из нас не относился к этому особо серьезно, – сказал Джеймс. – Мы были вовсе не похожи на юнцов, которые стремятся высоко взлететь.

– Но репетировали все равно много, – заметил я.

– Ну, мы просто хотели научиться лучше играть, – ответил Джеймс.

– Мы же любители, – улыбнулся Макс. – Музыка играют ради самой музыки – понимаешь, о чем я?

Я кивнул.

– Он на тот берег за выпивкой пошел? – возмутился Джеймс.

Выворачивая шеи, мы оглядели пространство бара. Дениэл с трудом проталкивался через толпу к стойке, подняв вверх руку с крепко зажатой двадцатифунтовой бумажкой. Субботним вечером сходить на другой берег Темзы было бы, пожалуй, быстрее.

– А Сайрес? Он серьезно относился к музыке? – спросил я.

– Да так же, как мы, – ответил Джеймс.

– Но играл отлично, – сказал Макс. И добавил, прищелкнув пальцами: – Был саксофонистом от Бога.

– Оттого и женщины на него вешались, – добавил Джеймс.

Макс вздохнул.

– Мелинда Эббот? – спросил я.

– Да если б только она, – хихикнул Макс.

– Мелинда у него была для дома, – пояснил Джеймс.

– А еще были Салли, Вив, Толинн, – сказал Макс.

– И Дария, – добавил Джеймс, – помните Дарию?

– Я же говорю, – подытожил Макс, – его саксофон их так и манил.

Я заметил, что Дениэл с напитками пробирается к нашему столику, и встал, чтобы помочь ему. Поймав его оценивающий взгляд, я сразу понял, что он отнюдь не разделяет зависти Макса и Джеймса к любовным победам Сайреса. Я вежливо улыбнулся в ответ и расставил стаканы на столе. Макс и Джеймс сказали «Будем!», и мы чокнулись.

Они почти забыли, что я из полиции. Это было очень кстати, и я, как следует подумав, задал следующий вопрос:

– А что, Мелинда не возражала?

– Еще как возражала, – ответил Джеймс, – но поделаться ничего не могла. Она же никогда не ходила на наши концерты.

– Ну, не нравился ей джаз, – сказал Дениэл.

– Ты же знаешь этих женщин, – улыбнулся Джеймс, – они против любого занятия, которое не связано с ними.

– Она увлекалась всякой эзотерикой, – сказал Макс, – ну, знаете, кристаллы, гомеопатия и все такое.

– Но с нами всегда была очень любезна, – вставил Дениэл, – и варила нам кофе во время репетиций.

– И пекла печенье, – грустно вздохнул Макс.

– С остальными девушками у него все было далеко не так серьезно, – сказал Джеймс.

– Если уж на то пошло, я даже не уверен, что он изменял Мелинде с ними. По крайней мере, пока не появилась Симона. Проблема с большой буквы «Пэ».

Симона первая из всех женщин Сайреса стала приходить к нему на репетиции.

– И сидела так тихо, что мы скоро о ней забывали, – сказал Дениэл.

Но Мелинда Эббот о присутствии Симоны Фитцуильям забывать не желала, и я ее понимал. Попытался вообразить, что было бы, если бы папа привел домой какую-нибудь женщину послушать его игру. Гарантирую, все кончилось бы плохо. Причем слезы были бы первым этапом.

Но Мелинда явно придерживалась иных правил хорошего тона, нежели моя мама. И поэтому она по крайней мере дождалась, пока посторонние уйдут, и только потом, фигурально выражаясь, закатала рукава и взялась за скалку.

– После этого мы перебрались в гараж, который Макс выбил для нас у Лондонской транспортной службы, – сказал Джеймс. – Там все время дуло, но зато обстановка была не такая напряженная.

– Только холод был собачий, – вставил Дениэл.

– А потом мы почему-то опять стали собираться у Сая дома, – продолжал Джеймс, – только кофе теперь не Мелинда носила, а очаровательная Симона.

– И давно? – уточнил я.

– Где-то в апреле-мае, – сказал Макс. – Весной, короче.

– И как Мелинда к этому отнеслась?

– А мы не знаем, – ответил Джеймс, – мы ее с тех пор особо и не видели, даже если она была дома.

– Я встречался с ней пару раз, – сказал Дениэл.

Все изумленно уставились на него.

– Ты не рассказывал, – сказал Джеймс.

– Она звонила мне, была очень расстроена, ей хотелось поговорить.

– Что именно она говорила? – спросил Макс.

– Не могу, ребят, – покачал головой Дениэл, – это очень личное.

Мы не стали настаивать. Мне удалось незаметно для музыкантов перевести разговор обратно к «мистическим» хобби Мелинды Эббот. «Френч-хаус» был уже забит под завязку и, хотя музыку для фона здесь не включали, теперь приходилось кричать, чтобы тебя услышали. И я предложил перебраться куда-нибудь поесть.

– Ого, Скотленд-Ярд нас сегодня кормит? – улыбнулся Джеймс.

– Думаю, небольшие представительские расходы я могу себе позволить, – ответил я. – Но в разумных пределах.

Джазмены согласно закивали. Еще бы, для любого музыканта слово «бесплатно» – волшебное.

Мы выбрали «Вонг Кей», что на Ворддор-стрит. Кухня здесь сносная, правда персонал хамит, но зато столик можно найти даже в субботу в полдвенадцатого вечера – если, конечно, вы не против, что он общий. Я молча показал парню у входной двери четыре пальца, и он махнул рукой – мол, поднимайтесь на второй этаж. Там угрюмая девица в красной футболке указала нам на один из больших круглых столов.

Двое бледных американских студентов явно струхнули, когда мы расположились рядом. Кроме них, за столом никого не было.

– Добрый вечер, – улыбнулся Дениэл, – не волнуйтесь, мы абсолютно безобидные.

На обоих американцах были опрятные красные футболки с надписью «Пионеры МНУ¹⁸», вышитой на груди. Они нервно кивнули в ответ.

¹⁸ MNU – MidAmerica Nazarene University, Среднеамериканский Назаретский университет. Христианский гуманитарный

– Привет, – сказал один, – мы из Канзаса.

Мы вежливо помолчали, ожидая продолжения, но ни один, ни второй так больше ничего и не сказали. В течение следующих десяти минут они доели, расплатились и устремились к выходу.

– Что такое МНУ? – спросил Макс.

– А кто его знает, – отозвался Джеймс.

Подошла официантка, шваркнула перед нами тарелки с едой. Я выбрал рваную утку с жареной рисовой лапшой, Дениэл и Макс взяли на двоих рис с яйцом, курицу с орехами кешью и свинину в кисло-сладком соусе. Джеймс заказал лапшу с говядиной. Все трое вдобавок решили выпить еще по пиву Циньтао, а я ограничился бесплатным зеленым чаем, который подавался в простом белом фаянсовом чайнике. Я спросил ребят, часто ли они выступали в «Соли жизни», и они почему-то рассмеялись.

– Всего-то пару раз, – ответил Макс, – и то по понедельникам, в обеденное время.

– И как, собрали толпу?

– Ну, вообще мы к этому стремимся, – сказал Джеймс. – Мы играли уже в «Бычьей голове», в фойе Национального театра, и в «Мерлиновой Пещере» в Чалфонт-Сент-Джайлз.

– В прошлую пятницу даже денег заработали, первый раз за все время, – добавил Макс.

– Что же дальше было в планах? – спросил я. – Контракт на запись альбома?

– А дальше Сайрес бросил бы группу, – сказал Дениэл.

Пару секунд все молча смотрели на него.

– Да ладно вам, парни, вы же понимаете, к этому и шло, – усмехнулся он. – Еще пара концертов, и его кто-нибудь бы заприметил. И тогда все: «с вами было прикольно, ребята, счастливо, не теряйтесь».

– Он что, настолько хорошо играл? – спросил я.

Джеймс мрачно глядел на лапшу у себя в тарелке. Потом несколько раз с бессильной злостью ткнул ее палочками.

– Насолько, – криво усмехнулся он, – и с каждым разом все лучше и лучше.

Джеймс поднял руку с бутылкой пива.

– За Сайреса и его саксофон, – сказал он, – ибо талант бессмертен.

Мы чокнулись.

– Ну, что, – сказал Джеймс, – если все уже наелись, не пойти ли нам куда-нибудь послушать джаз?

ТЕПЛЫМ летним вечером Сохо полнится табачным дымом и нескончаемыми разговорами. Из пабов толпы выплескиваются на свежий воздух, все кафе выставляют свои столики на узенькие тротуары, изначально призванные убереечь ноги пешеходов от лошадиного дерьма на мостовой. На Олд-Комптон-стрит подкачанные молодые люди в обтягивающих белых футболках и узких джинсах любят друг друга и своими отражениями в витринах магазинов. Я заметил, что Дениэл призывно посматривает на пару сладких мальчиков, крутящихся у зеркальной витрины «Адмирала Дункана», но они не обращали на него никакого внимания. Был вечер пятницы, и эти ребята явно не для того ишачили в спортзалах, чтобы сегодня лечь с кем-то в постель меньше чем за десятку.

Мимо прошла группа молодых женщин в желтовато-коричневой униформе, с одинаковыми армейскими стрижками и не местным выговором – это военнослужащие дамы отправились кутить в Чайнатаун или в один из клубов на Лестер-сквер.

Мы с ребятами медленно брели по Олд-Комптон-стрит, глаза то на одну, то на другую компанию девушек. Джеймс чуть не упал, когда мимо продефилировала парочка белых девчонок в туфлях на шпильках и розовых ультракоротких трикотажных платьях.

– Е...ть, – выдохнул он, с трудом удержав равновесие.

– Размечтался, – беззлобно ответила, обернувшись, одна из девушек.

Джеймс сказал, что знает одно местечко на Бейтмен-стрит – маленький клуб в цокольном этаже, в лучших традициях знаменитого «Фламинго».

– Или клуба Ронни Скотта, – добавил он, – до того как он стал клубом Ронни Скотта.

Я еще не забыл, как патрулировал в униформе эти улицы, и с ужасом понял, куда именно он нас ведет. Мой папа частенько предавался воспоминаниям о юности, бессмысленно потраченной в прокуренных подвальных клубах, где воняло потом, гремела музыка и тусовались девчонки в обтягивающих майках. Он говорил, что во «Фламинго» место надо было занимать сразу на весь вечер: как только начинался концерт, там было просто не протолкнуться. Так вот, в «Мистериозо» намеренно и весьма успешно воссоздали атмосферу тех времен, благодаря усилиям двух успешных парней, которые были бы просто хрестоматийными дельцами-пройдохами из низов, если бы не родились в Гилфорде¹⁹. Звали их Дон Блэквуд и Стэнли Гиббс, но сами они величали себя Дирекцией. И почти каждый раз, когда наше с Лесли дежурство приходилось на выходные, нам приходилось скручивать кого-нибудь на улице возле этого клуба.

Но только на улице – внутри самого клуба никогда не возникало никаких конфликтов. Ибо Дирекция подыскала для своего клуба самых суровых вышибал, одела их в крутые костюмы и дала полную свободу действий в части доступа посетителей в клуб. Эти вышибалы абсолютно безнаказанно демонстрировали свою силу направо и налево, и очередь на вход не рассасывалась даже к полуночи.

В прежние времена британские джазмены традиционно играли музыку с каменными лицами, а типичные фанаты-интеллектуалы носили водолазки и с заумным видом пялились на сцену, потирая подбородки. Мои нынешние спутники были ярким примером такой публики. Но, судя по сегодняшней толпе у входа, Дирекция наплевала на традиции и сделала ставку на совсем другую целевую аудиторию: шик и блеск, костюмы от Армани, множество побрякушек и выкидухи в карманах. Мы с ребятами точно не соответствовали этим стандартам.

Уж ребята-то по крайней мере. Честно сказать, это меня устраивало: хотя они нравились мне все больше и больше, перспектива слушать остаток вечера любительский джаз не сильно меня радовала. В противном случае мой папа был бы самым счастливым человеком на земле.

Но Джеймс, как истинный шотландец, унаследовал от предков упертую воинственность и сдаваться без боя не собирался. Не обращая внимания на очередь, он двинулся прямо на противника.

– Мы тоже играем джаз, – сообщил он вышибале. – Это что, не дает привилегий?

Вышибала, здоровенный бугай, отсидевший, насколько я понимал, в Уондсворте за несколько преступлений, объединенных эпитетом «тяжкое», тщательно обдумал вопрос.

– Первый раз вас вижу, – ответил он.

– Не исключено, – сказал Джеймс, – но ведь джазмены все едины духом, разве нет? Музыка – это братство.

Дениэл и Макс за его спиной обменялись тревожными взглядами и отступили на пару шагов.

А я вышел вперед, дабы пресечь неизбежный мордобой, и в этот самый момент уловил отголосок «Тела и души». *Вестигий* был очень слабый и все равно прорезал гул Сохо, словно прохладный ветерок ночную духоту. И шел он, несомненно, из клуба.

¹⁹ Гилфорд – административный центр графства Суррей, которое считается одним из самых благополучных и фешенебельных районов страны.

– Ты его приятель? – спросил вышибала.

Я бы мог, конечно, показать удостоверение, но стоит его достать, и потенциальные свидетели тут же испаряются, чтобы придумать потом железные алиби.

– Скажи Стэну и Дону, что пришел сын Чертенка Гранта.

Вышибала взгляделся мне в лицо.

– Я тебя знаю? – спросил он.

Нет, ответил я про себя, но, возможно, помнишь по таким хитовым фразам субботних вечеров, как «придержи-ка этого хлыща, я должен его арестовать», «хватит его бить, “Скорая” уже здесь» и, конечно, классике жанра – «убери руки, а то и тебя упеку».

– Я сын Чертенка Гранта, – повторил я.

– Что он несет? – прошептал Джеймс у меня за спиной.

Когда моему папе было двенадцать, учитель музыки подарил ему подержанную трубу и из собственного кармана оплачивал уроки. К пятнадцати годам папа успел бросить школу, устроился курьером где-то в Сохо, а в свободное время искал, где можно поиграть джаз. Когда ему исполнилось восемнадцать, Рэй Чарльз случайно услышал его во «Фламинго» и сказал во всеуслышание, то есть достаточно громко, чтобы услышали нужные люди:

– Да этот чертенок Грант действительно умеет играть!

Табби Хейз в шутку прозвал его потом Чертенком Грантом, и эта кличка так к нему и приклеилась.

Охранник включил «блютус», набрал Стэна и повторил ему мои слова. Услышав ответ, он с поистине впечатляющей невозмутимостью посторонился и впустил нас.

– Ты не говорил, что твой отец – Чертенок Грант, – сказал Джеймс.

– Да как-то к слову не приходилось.

– Ну, даешь, – покачал головой Джеймс. – Если бы у меня отец был легендой джаза, я бы уж где-нибудь это да ввернул.

– Мы, наверно, просто недостойны, – усмехнулся Макс, спускаясь по лестнице в клуб.

– Я тебе это припомню, – отозвался я.

Если в «Соли жизни» царствовало старое дерево и сияла полированная медь, то здесь, в «Мистериозо», были бетонные полы, а на стенах флизелиновые обои, какие в конце девяностых частенько можно было увидеть в индийских забегаловках. Как я и ожидал, здесь было темно, людно и ужасно накурено. Дирекция, в погоне за аутентичностью, явно закрывала глаза на курение табака, в нарушение Закона о здоровье от 2006 года. И не только табака, судя по легкому сладковатому аромату, плавающему над головами посетителей. Моему папе в любом случае понравилось бы это место, даже если звук тут не ахти. Если бы еще где-нибудь в уголке сидел и ширялся радиоуправляемый Чарли Паркер, это был бы прямо-таки тематический парк развлечений.

Отдавая дань традиции, священной для музыкантов всего мира, Джеймс с парнями первым делом устремились в бар. Предоставив их самим себе, я решил поближе рассмотреть группу, которая, судя по надписи на барабанной установке, называлась «Фанк Механикс». И они полностью оправдывали свое название, исполняя джаз-фанк на сцене, которая почти не возвышалась над полом. В группе было двое белых парней, черный басист и рыжеволосая барабанщица, у которой в разные части лица было вставлено не меньше фунта серебра в общей сложности. Пробираясь к сцене, я узнал мелодию – они играли фанковую версию «Уезжай из города», в совершенно неуместном латинском ритме. Меня это просто взбесило, и я сразу задумался: а почему?

Вдоль стен тянулись ниши, обтянутые потертым красным бархатом. Столы там были уставлены бутылками, и посетители, в основном белые, глазели на танцпол и кивали в такт «Фанк Механикс», насилующим классическую мелодию. В самой дальней нише обнималась белая парочка. Мужчина держал руку на груди женщины, похабно лапая ее сквозь платье. Я

ощутил отвращение и злость и вдруг понял, что на самом деле эти эмоции ко мне никакого отношения не имеют.

Мне за время работы доводилось наблюдать и менее приличные сцены, да и к джаз-фанку я нормально отношусь. Должно быть, я только что прошел через *лауну*, очаг остаточной магии. Значит, я правильно догадался: что-то здесь происходило.

Лесли вечно ворчала, что для настоящего копа я слишком рассеян. Так вот, она на моем месте прошла бы мимо этой лауны, ничего не заметив.

Джеймс и остальные протолкались наконец через толпу и внезапно выдали мне бутылку пива. Я отхлебнул, было вкусно. Глянул на этикетку – «Шнайдер Вайсс», недешевое. Я перевел взгляд на музыкантов, и те торжествуя подняли свои бутылки.

– За счет заведения! – воскликнул Макс, как-то уж чересчур воодушевленно.

Я чувствовал, что Джеймс жаждет поговорить о моем отце, но для этого здесь, к счастью, было слишком шумно и тесно.

– Современная аранжировка! – прокричал Дениэл.

– Вроде того, – отозвался Джеймс.

И тут я услышал. *Вестигий*, отдаленный и тихий, глотком прохлады вливался в духоту танцпола. Я сразу понял, что он отличается от магического отголоска, исходившего от тела Сайреса Уилкинсона: звучит чище, ярче и помимо самой мелодии в нем слышится женский голос. «Мое сердце болит от одиночества», – разобрал я слова. Снова пахло дымом, ломаным деревом и пылью.

Но было еще одно отличие: *вестигий* Сайреса проявлялся как соло на саксофоне, а сейчас я, несомненно, слышал тромбон. Папа всегда на тромбонистов поглядывал свысока: мол, кто угодно сыграет на тромбоне в составе духовой секции, а вот хороших соло-тромбонистов можно сосчитать по пальцам одной руки. Этот инструмент сложно воспринимать всерьез, но даже папа признавал: надо быть очень незаурядным человеком, чтобы хорошо играть соло на кулисном тромбоне. Он приводил в пример Кая Уиндинга или Джей Джей Джонсона. Однако сейчас на сцене были труба, бас-гитара и ударная установка. А тромбона не было.

Возникло мерзкое ощущение, как будто мне вот буквально двух купонов не хватило, чтобы выиграть тостер.

Я сосредоточился на *вестигии*, позволив ему вести меня сквозь толпу. Слева от сцены за динамиком оказалась черная дверь, на ней было криво намалевано желтой краской «Вход только для персонала». Я взялся было за ручку и тут обнаружил, что музыканты последовали за мной, словно стадо овец за пастухом. Попросил их подождать снаружи – и конечно же, они пошли со мной.

Сразу же за дверью была примерка, она же раздевалка, она же склад – длинное узкое помещение, больше всего напоминающее бывший угольный бункер. Стены сплошь покрывали старые пожелтевшие афиши. Старомодный театральный туалетный столик с круглыми лампочками по периметру овального зеркала был втиснут между гигантским холодильником и разборным столом, накрытым одноразовой скатертью в рождественских красно-зеленых тонах. На кофейном столике громоздились пустые пивные бутылки, а на одном из двух кожаных диванов, занимающих остальную часть помещения, спала белая женщина лет двадцати с небольшим.

– Вот она, жизнь подруги музыканта, – сказал Дениэл, глядя на нее.

– В такие моменты кажется, что все эти годы репетиций чего-то да стоят, – добавил Макс.

Женщина на диване проснулась, села и устала на нас. На ней были великоватые в талии рабочие брюки и желтая футболка с надписью поперек груди «Я СКАЗАЛА НЕТ, ОТВАЛИ».

– Чем могу помочь? – спросила она. Темно-лиловая помада размазалась у нее по щеке.

– Мне нужны музыканты, – сказал я.

– Они всем нужны, – ответила она, протягивая руку. – Меня зовут Пегги.

– Где музыканты? – повторил я, игнорируя ее руку.

Пегги вздохнула и откинула волосы за плечи, явив взорам грудь, которая приковала всеобщее внимание – кроме Дениэла, конечно.

– А разве не на сцене? – спросила она.

– Нет, я про предыдущую группу, – пояснил я.

– А что, они уже ушли? Вот сучка, обещала же, что разбудит меня после их сета. Ну, все, с меня хватит.

– Как они называются? – спросил я.

Пегги поднялась с дивана и оглядывала пол в поисках своей обуви.

– Честно, не помню, – сказала она. – С ними Черри работает.

– У них есть хороший тромбонист? – попытывался я.

Макс тем временем обнаружил ее туфли за другим диваном – открытые босоножки на высокой шпильке. На мой взгляд, они не слишком сочетались с рабочими штанами.

– Вообще да, есть, – сказала она. – Это Микки. Он звезда, второго такого не найдешь.

– Не знаете, куда они обычно ходят после выступления?

– Не-а, – пожалала она плечами, – я всегда просто ловила кайф от их музыки и ни о чем больше не думала.

На каблуках она была почти с меня ростом. Штаны немного сползли, открывая полоску белой кожи и кружевной край шелковых красных трусиков. Я отвернулся – в этой комнате я потерял *вестигий*, а разглядывание Пегги отнюдь не помогало сосредоточиться. Но зато вдруг нахлынули новые ощущения: запах лаванды, нагретого солнцем капота и ощущение тишины, которая обычно наступает сразу после очень громкого звука. Нахлынули и пропали.

– Кто вы такие? – спросила Пегги.

– Джазовая полиция, – ответил Джеймс.

– Это он – инспектор джазовой полиции, – уточнил Макс, имея в виду меня. – А мы просто добровольцы с Олд-Комптон-стрит.

Мне стало смешно, и я понял, что еще далеко не трезв.

– А что, у Микки проблемы? – спросила Пегги.

– Ну, если он опрокинул свой сливной клапан кому-нибудь на плечо, то да, – ухмыльнулся Макс.

У меня больше не было времени на болтовню. В конце комнаты я увидел другую дверь, с единственной надписью «Аварийный выход». Туда я и направился. За ней был недлинный темный коридор с голыми кирпичными стенами. Вопреки всем нормам гигиены и безопасности, он был завален старой мебелью, пустыми ящиками и черными полиэтиленовыми пакетами. Еще одна пожарная дверь с нажимной планкой вела к лестнице наверх, на улицу. Дверь наверху лестницы тоже была с нажимной планкой, которую в нарушение всяких правил стягивал велосипедный замок.

Найтингейл знает заклинание, с помощью которого можно аккуратно вынуть защелку замка прямо из двери. Но, поскольку мне в ближайший год не светит этому научиться, пришлось импровизировать. Я отошел на безопасное расстояние и запустил в замок одним из своих кривоватых световых зарядов. Но нехватку точности они у меня компенсируют мощностью. Отступив назад, чтобы не обжечься, я прищурился и увидел, что замок завис в центре небольшой пульсирующей сферы. Убедившись, что замок нагрелся как следует, я «отпустил» заклинание. Сфера лопнула как мыльный пузырь. Я тут же мысленно воспроизвел стандартное *импелло*. Это вторая по счету форма, которую я освоил, поэтому использую вполне уверенно. *Импелло* двигает предметы – в данном случае двойные двери. Замок полетел прочь, створки с силой распахнулись, и одна из них даже сорвалась с петель.

Выглядело впечатляюще, даже я проникся. Что уж говорить о добровольцах, столпившихся сзади на лестнице.

– Что это было, мать его? – прошептал Джеймс.

– Может, жвачка с зажигательной смесью? – невинно предположил я.

Сработала пожарная сигнализация, пора было валить отсюда. Мы с добровольцами, сделав вид «мы не при делах», прошли пятьдесят ярдов до угла Фрит-стрит со скоростью, достойной олимпийских чемпионов по спортивной ходьбе. Время было позднее, туристы разошлись по отелям, только шумные компании молодежи остались тусоваться на улице.

Джеймс забежал вперед меня, заставив остановиться.

– Это как-то связано со смертью Сая, верно ведь? – спросил он.

Спорить я не мог, слишком вымотался.

– Может быть, – ответил я. – Пока не знаю.

– Он что, не сам умер? С ним кто-то что-то сделал? – продолжал Джеймс.

– Не знаю, – повторил я. – Вот ты куда бы направился, отыграв сет?

– В смысле? – не понял Джеймс.

– Помоги мне, Джеймс. Я хочу найти того тромбониста. Так куда бы ты пошел после концерта?

– Ну, «Потемкин», например, работает допоздна.

Хорошая мысль, подумал я. Там еду и, что важнее, алкоголь можно заказывать до пяти утра. Я направился вниз по Фрит-стрит, добровольцы не отставали. Они очень хотели понять, что происходит, как и я, собственно. Особенно Джеймс упорствовал, и это настораживало.

– Ты боишься, что тромбонисту грозит то же самое? – допытывался он.

– Возможно, – уклончиво ответил я. – Не знаю.

Мы свернули на Олд-Комптон-стрит, и, увидев голубую мигалку «Скорой», я понял, что опоздал. «Скорая» стояла у входа в клуб, ее задняя дверь была открыта, и, судя по неторопливости, с которой врачи расхаживали вокруг потерпевшего, тот либо почти не пострадал, либо был давно мертв. И я бы не поставил на первый вариант. Разнородная толпа зевак уже собралась вокруг, за ними пристально наблюдала пара добровольцев из Общественной поддержки²⁰ и знакомый констебль, которого я помнил по Черинг-Кроссу.

– Эй, Парди! – окликнул я его. – Что тут делается?

Парди грузно повернулся. Трудно двигаться иначе, когда на вас бронезилет, поясной ремень под снарягу, остроконечный шлем и португепя, а при себе телескопическая дубинка, рация, наручники, перцовый газовый баллончик, блокнот и сухой паек в виде батончика «Марс». У Филиппа Парди была репутация «вешалки для формы», то есть копа, который ни к каким делам особо не пригоден. Но это как раз радовало – толковый коп мне был сейчас не нужен. Толковые копы задают слишком много вопросов.

– Вызов «Скорой», – ответил Парди, – какой-то парень прямо посреди дороги отдал концы.

– Пойдем глянем? – сказал я, скорее вопросительно, чем утвердительно. Вежливость – полезная вещь.

– Это по вашей части?

– Пока не посмотрю, не узнаю.

Парди хмыкнул и пропустил меня вперед.

Врачи «Скорой» уже укладывали погибшего на каталку. Он был младше меня, темнокожий, с характерным африканским лицом. Либо сам был из Нигерии или Ганы, либо, что вероятнее, из тех краев приехали его родители. Одет он был неплохо: узкие чиносы цвета хаки,шитый на заказ пиджак. Чтобы поставить электроды дефибриллятора, врачи разорвали у него

²⁰ Общественная служба поддержки полиции – добровольческая организация, ее представители не имеют удостоверений полицейского, но носят форму. Их привлекают для патрулирования улиц, помощи в урегулировании беспорядков и расследования мелких правонарушений.

на груди белую хлопковую рубашку, явно дорогую. Его темно-карие глаза были широко раскрыты и абсолютно пусты. Мне не было нужды подходить ближе: если бы мелодия «Тела и души», исходившая от тела, звучала хоть на пару децибелов громче, можно было бы обтянуть его лентой и продавать билеты.

Я спросил у врачей «Скорой» о причине смерти. Они только пожали плечами: внезапная остановка сердца.

– Он что, умер? – спросил Макс у меня за спиной.

– Нет, блин, отдохнуть прилег, – отозвался Джеймс.

Я спросил у Парди, были ли у погибшего при себе документы. Парди в ответ протянул мне бумажник в прозрачном пластиковом конверте.

– Так это ваш случай? – спросил он.

Я кивнул, взял у него конверт и тщательно заполнил документы о передаче ответственности, на случай дальнейшего судебного разбирательства. И только после этого сунул конверт с бумажником в карман.

– Он был один, когда это случилось? – спросил я.

– Я никого не видел, – покачал головой Парди.

– А кто вызвал «Скорую»?

– Не знаю, – ответил он, – может, кто-то с мобильного позвонил.

Вот из-за таких, как Парди, лондонская полиция и славится своим первоклассным сервисом, благодаря чему нам завидует весь цивилизованный мир.

Пока носилки грузили в микроавтобус, Макс позади меня шумно извергал съеденный ужин.

Парди приглядывался к Максусу с особым интересом копа, которому предстоит дежурство в ночь на субботу и который жаждет упечь какого-нибудь нетрезвого нарушителя в кутузку на пару часов. А сам бы в этом случае сел в столовой и принялся заполнять соответствующие документы под сэндвич с чайком. Черт бы побрал эту сигнальную ленту, из-за которой доблестный офицер полиции вынужден бездействовать! Я разочаровал Парди, сказав, что позабочусь обо всем сам.

Врачи «Скорой» хотели уже ехать, но я попросил немного подождать. Рисковать я не мог: труп могли перехватить криминалисты до того, как его посмотрит доктор Валид, но нужно было выяснить, играл ли этот парень в «Мистериозо». Из троих добровольцев Дениэл тверже всех держался на ногах.

– Дениэл, – спросил я, – ты как, трезвый?

– Да, – ответил он, – и с каждой секундой все трезвее.

– Я должен сопровождать «Скорую». Можешь смотаться обратно в клуб и достать сегодняшний плей-лист? – Сунул ему свою визитку: – Вот, найдешь – позвонишь на мобильный.

– Думаешь, и он так же? – тихо спросил он. – Как Сайрес?

– Не знаю, – ответил я. – Но как только выясню что-нибудь, сразу дам знать.

– Вы едете или как? – окликнул меня кто-то из врачей.

– Справишься? – спросил я Дениэла.

– Ну, я ж джазмен, – ухмыльнулся он. Я поднял кулак, и Дениэл после секундного замешательства стукнулся со мной костяшками.

Я сел в «Скорую», врач захлопнул за мной дверцу.

– Мы едем в Университетский госпиталь? – спросил я.

– Вроде того.

Сирену и мигалки мы включать не стали.

НЕЛЬЗЯ просто так сдать труп в морг. Сперва его должен осмотреть квалифицированный врач. Не важно, в каком он виде и на сколько частей расчленен: пока действительный член

Британской медицинской ассоциации не подтвердит, что это мертвое тело, оно формально имеет неопределенный статус вроде электрона или кота Шредингера. Или моих полномочий по расследованию этого почти несомненного убийства.

Ночь с субботы на воскресенье в приемном покое – это просто праздник какой-то. Пьяный кураж проходит, уступая место боли, и начинаются крики, стоны, взаимные нападки. Любой офицер полиции, настолько движимый заботой об обществе, что не побоится сюда сунуться, рискует непроизвольно поучаствовать, по крайней мере в полудюжине стычек местных Кенов и Ронов²¹. И как всегда, это будет «нет-нет, констебль, мы не виноваты, оно само так вышло».

Я не вдохновился такой перспективой, а потому заперся в палате наедине с тихим и спокойным трупом. В ящике стола нашлись стерильные резиновые перчатки. Позаимствовав пару, я извлек из пакета бумажник.

В водительском удостоверении было полное имя Микки Костяшки: Майкл Аджайи. Значит, все-таки нигериец. Я посмотрел дату рождения: только-только исполнилось девятнадцать.

Ох и разозлится твоя мама, с горечью подумал я.

Помимо документов в бумажнике обнаружилось несколько карточек: кредитки Виза и МастерКард, еще одна банковская карта, а также удостоверение члена Союза музыкантов. Была пара визиток, одна из них от агента. Я списал контакты с визиток в свой блокнот, после чего аккуратно сложил все обратно в пакет.

Было уже без пятнадцати три, когда наконец явился дежурный ординатор и подтвердил, что Майкл Аджайи действительно мертв. Еще два часа ушло на то, чтобы оформить погибшего как жертву преступления, взять контакты этого врача, собрать копии всех нужных документов, включая его заключение и отчет бригады «Скорой», и отправить тело вниз, в морг, дожидаться заботливых рук доктора Валида.

Теперь оставалось еще одно, самое «приятное»: связаться с родными погибшего и сообщить им страшную новость. В наше время это проще простого: берете мобильник жертвы и просматриваете список звонков. У Микки, естественно, был Айфон, он лежал в кармане пиджака. Включить не удалось, и мне не было нужды разбирать устройство – я и так понимал, что микропроцессор, скорее всего, сгорел. Я положил Айфон в отдельный пакет для улики, но бирку приклеивать не стал, так как собирался сразу взять его с собой в Безумство. Удостоверившись, что тело никто не тронет, я позвонил доктору Валиду. Будить его в такое время не стоило, так что я просто набрал его рабочий номер и оставил голосовое сообщение.

Если Микки действительно стал второй жертвой, значит, маг-убийца, охотящийся на джазменов (надо, кстати, придумать ему какое-то нормальное название), за четыре дня совершил уже два нападения.

Интересно, подумал я, а в списке доктора Валида есть похожие случаи? Доберусь до тех-камерки, надо будет проверить. Я пытался решить, ехать ли сейчас или вздремнуть здесь, в ординаторской, и тут в кармане зажужжал телефон.

Номер был незнакомый.

– Алло, – сказал я.

– Стефанопулис говорит, – представилась сержант Стефанопулис. – Нам требуются ваши особые навыки.

– Где вы?

– На Дин-стрит, – ответила она.

Снова Сохо. А почему бы и нет, собственно?

– Могу я узнать, что случилось?

– Зверское убийство, – ответила сержант. – Прихватите сменную обувь.

²¹ Кен Нортон и Рон Лайл – звезды мирового бокса в тяжелом весе эпохи семидесятых.

После превышения определенной дозы кофе просто перестает действовать. И если бы не мерзкий запах освежителя воздуха, который хмурый таксист-латвиец зачем-то повесил у себя в миникебе, я бы прямо там и выключился.

Дин-стрит была перетянута сигнальной лентой от пересечения с Олд-Комптон до самого угла Мирд-стрит. Я с ходу заметил по крайней мере два минивена «Мерседес Спринтер» без маркировки и целый косяк серебристых «Воксхолл Астра». Последнее говорило о том, что группа по расследованию тяжких преступлений уже здесь.

Знакомый констебль из отдела убийств Белгравии ждал меня у ленты. Чуть выше по Дин-стрит криминалисты уже развернули тент над входом в клуб «Граучо». Это зрелище наводило на мысль об учениях по биологическому оружию. Заходить не тянуло совершенно.

Внутри меня ждала Стефанопулис. Это была низкорослая свирепая тетка, чья широко известная мстительность снискала ей славу офицера-лесбиянки, не позволяющей никому отпускать шуточки насчет ее сексуальной ориентации. У нее была коренастая фигура и квадратное лицо, которое отнюдь не делала изящнее стрижка «под Шину Истон». Такой стиль еще можно назвать «лесбийским шиком в духе постмодерна», но это если совсем жить надоело.

Она уже облачилась в голубой одноразовый защитный комбинезон, а на шее висел респиратор. Кто-то принес два складных стула и разложил на них защитный комбинезон для меня. Мы называем такие штуки «презервативами». Потеешь в них, как лошадь. На лодыжках Стефанопулис я заметил пятна крови, они покрывали те целлофановые фиговины, которые надеваются сверху на обувь.

– Как ваш шеф? – спросила сержант, когда я сел и принялся натягивать комбинезон.

– Нормально, – ответил я. – А ваш?

– Тоже, – сказала она. – Через месяц вернется на службу.

Стефанопулис знала правду насчет Безумства. Вообще ее знали довольно многие старшие офицеры, что было странно: эту тему вслух обычно не обсуждали.

– Вы старшая по делу, мэм? – осведомился я. Обычно следствием по делу руководит минимум старший инспектор, но уж никак не сержант.

– Разумеется, нет, – ответила она. – Нам выделили шеф-инспектора из отдела уголовного розыска в Хэверинге, но он выбрал неудачный управленческий подход к сотрудничеству наших отделов. А в подобных случаях опытным офицерам предписывается брать на себя роль командующего по вопросам, находящимся в их компетенции.

Другими словами, шеф-инспектор заперся у себя в кабинете и предоставил Стефанопулис разруливать все самостоятельно.

– Радостно, когда старшие офицеры демонстрируют такую прогрессивную позицию по взаимодействию с вышестоящим руководством, – отозвался я и был даже вознагражден чем-то вроде улыбки.

– Готовы?

Я надел капюшон и затянул под подбородком шнурок. Стефанопулис протянула мне респиратор, и я двинулся за ней в глубь помещения. Пол в холле был выложен белой плиткой, и, несмотря на явные усилия уборщиков, размытые пятна крови все еще тянулись от двойных деревянных решетчатых дверей.

– Труп внизу, в мужском туалете, – сообщила Стефанопулис.

Лестница вниз была такой узкой, что нам сперва пришлось пропустить поднимающуюся толпу криминалистов и только потом спускаться самим. Многопрофильных бригад криминалистов не существует в принципе. Это было бы слишком дорого, поэтому мы звоним в Министерство внутренних дел и бронируем выезд нужных специалистов. Это как заказать доставку китайской еды, и, судя по количеству голубых «презервативов», проплывающих мимо нас по лестнице, Стефанопулис заказала суперобед на шестерых с дополнительной порцией жареного риса с яйцом. А я в ее заказе был эдакой печенькой с предсказанием.

Подобно большинству уборных в заведениях Вест-Энда, туалеты в «Граучо» были тесные, с низкими потолками, поскольку располагались в цокольном этаже здания. Владельцы отделали здесь стены чередующимися панелями из матовой стали и темно-красного плексигласа. Получившаяся картина здорово напоминала последние, самые жуткие уровни System Shock 2²². Кровавые отпечатки подошв, ведущие в коридор, отнюдь не снижали этого эффекта.

– Его нашла уборщица, – объяснила Стефанопулис наличие следов.

Слева выстроились в ряд квадратные фаянсовые раковины. Прямо – обычные писсуары, а справа на небольшом возвышении стояла одна-единственная туалетная кабинка. Ее дверца была приоткрыта и держалась на паре полосок изоленты. Не было нужды спрашивать, что там внутри.

Любопытно все же, как реагирует мозг, когда оказываешься на месте происшествия. В первые секунды взгляд цепляется за обыденное, избегает самого страшного. Я увидел белого типа средних лет, он сидел на унитазе. Плечи у него были сгорблены, подбородок опущен на грудь, так что лицо я не разглядел. У него были темные волосы, начинающие уже редеть на макушке. На нем был дорогой, но поношенный твидовый пиджак, наполовину спущенный с плеч, а под пиджаком хорошая белая рубашка в тонкую голубую полоску. Брюки и трусы были стянуты до лодыжек, бледную кожу бедер покрывала темная поросль. Руки бессильно свешивались между ног – очевидно, он схватился за пах и держался, пока не потерял сознание. Ладони были липкими от крови, кровью же пропитались края рукавов пиджака и рубашки. Я заставил себя взглянуть на саму рану.

– Срань господня! – вырвалось у меня.

Унитаз был полон крови, и я бы очень не хотел оказаться на месте бедняги-криминалиста, которому предстояло в скором времени там возиться. Кто-то отсек мужику пенис, целиком и полностью, по самые яйца. А потом, как я понял, оставил несчастного истекать кровью.

Это было страшно. Однако вряд ли Стефанопулис притащила меня сюда, чтобы преподать интенсивный курс по осмотру места преступления. Нет, должно быть что-то еще. Я заставил себя снова взглянуть на труп. И тут до меня дошло. Я, конечно, не эксперт, но, судя по рваным краям раны, ее нанесли не ножом.

Я поднялся и поймал одобрителный взгляд Стефанопулис. Очевидно, заслужил я его тем, что не схватился за пах и не убежал прочь, вопя от ужаса.

– Знакомая картинка? – спросила она.

²² System Shock 2 – культовая компьютерная игра в стиле киберпанк, разработанная Irrational Games и Looking Glass Studios и выпущенная Electronic Arts 7 июля 1999 года.

4. Одна десятая моего пепла²³

Примерно в то время, когда я родился, клуб «Граучо», названный по цитате знаменитого комика, открыл свои двери для богемы и профессиональных журналистов, достаточно богатых, чтобы позволить себе погрузиться в этот мир иронического постмодерна. Обычно у «Граучо» не возникало проблем с полицией: следуя тенденциям, его учредители, конечно, отрицают общественные нормы, но никогда не выносят это отрицание на улицу, особенно накануне пятницы. По крайней мере, если это не гарантирует газетных сенсаций. Папарацци и без того вечно пасутся напротив входа, ожидая какую-нибудь знаменитость, а их сюда ходит немало. Вот почему Стефанопулис распорядилась перекрыть улицу целиком. Я представил, как бесятся фотографы за оградительной лентой – ну, в точности как дети, у которых отобрали конфеты.

– Вы про Сент-Джона Джайлза? – уточнил я.

– Рана уж очень похожая, – кивнула сержант.

Сент-Джон Джайлз – несостоявшийся насильник, чья короткая карьера на данном поприще началась и кончилась в один и тот же день несколько месяцев назад. В тот день некая женщина (по крайней мере, с виду) откусила ему пенис. Вагиной. Называется это явление *vagina dentata*, но до сих пор не зафиксировано ни одного случая, подтверждающего его существование. Я это знаю, поскольку мы с доктором Валидом в поисках такого подтверждения перелопатили медицинские исторические источники вплоть до семнадцатого века.

– По его делу есть подвижки? – спросила она.

– Нет, – ответил я. – У нас есть показания Сент-Джона и его приятелей, мутная запись наружной камеры – и больше ничего.

– Что ж, для начала можем проанализировать выбор жертв. Вы должны связаться с Белгравией, получить номер дела и передать следственной группе список фигурантов.

«Фигуранты» – это все, кто попал в поле зрения следствия по уголовному делу и чьи данные внесены в общую полицейскую базу ХОЛМС. Эта компьютеризованная мельница полицейского расследования перемалывает все: показания свидетелей, улики, протоколы допросов, даже записи камер наружного наблюдения. Изначально ее разработали по результатам байфордского расследования дела Йоркширского Потрошителя Питера Сатклиффа, которого вызывали на допросы несколько раз, и безрезультатно. Только потом его совершенно случайно арестовал дорожный патруль при обычной проверке документов. Полиция запросто может выглядеть в глазах общества продажной, агрессивной, даже деспотичной. Но вот глупой она выглядеть не должна. Это подорвет народную веру в силу Закона и будет дурно влиять на общественный правопорядок. А поскольку вину за Потрошителя свалить было не на кого, полиции пришлось-таки менять принципы и подход к работе своих отделов, которые доселе состояли из бездарных новичков, чем и гордились. Частью этой оптимизации и стала база данных ХОЛМС.

Для того чтобы внесенные данные мог использовать любой сотрудник, загружать их надо в правильном формате, выделяя и помечая все важные детали. И разумеется, насчет Сент-Джона Джайлза у меня в этом плане еще конь не валялся. В свое оправдание очень хотелось напомнить Стефанопулис, что отдел, в котором я числюсь, состоит всего из двух человек, причем второй только-только научился пользоваться кабельным телевидением, не говоря уж об интернете. Но боюсь, она это и так знала.

– Конечно, босс, – ответил я. – Вам известно имя жертвы?

²³ «Я требую, чтобы мое тело кремировали. Одна десятая часть моего пепла должна быть передана моему агенту, в соответствии с нашим контрактом». Фраза Граучо Маркса – американского актера, комика, участника комик-труппы, известной как Братья Маркс. Он всегда изображал язвительного дельца и авантюриста, который постоянно доставляет проблемы добропорядочному обществу. Клуб же носит имя Граучо благодаря его фразе: «Пожалуйста, исключите меня, я не желаю быть членом клуба, который принимает в свои члены людей, подобных мне».

– Джейсон Данлоп. Член клуба, журналист-фрилансер. Он забронировал одну из спален на втором этаже. В последний раз его видели на пути туда. Это было в двенадцать с небольшим, а сразу после трех его обнаружила одна из дежурных ночных уборщиц.

– Время смерти?

– Примерно между тремя четвертями первого и половиной второго, учитывая обычную погрешность.

Пока патологоанатом его не вскрыет, погрешность может варьироваться на целый час в любую сторону, подумал я.

– Есть в нем что-то *необычное*? – спросила сержант.

Можно было не спрашивать, что именно. Я вздохнул. Очень не хотелось опять приближаться к трупу, но я присел на корточки, чтобы хорошенько рассмотреть лицо. Его не искажала гримаса, но подбородок был плотно прижат к груди, а рот, соответственно, закрыт. С лица успело исчезнуть всякое выражение, и я подумал: сколько же он просидел вот так, зажимая ладонями пах, пока не умер от кровопотери? Сперва я решил, что никакого *вестигия* на нем нет, но потом ощутил – едва-едва, от силы на сто миллилитров: запахи портвейна и патоки, вкус нутряного сала и чад горящих свечей.

– Ну? – спросила она.

– Не вполне, – наконец ответил я. – Даже если его атаквали с помощью магии, то сделали это не напрямую.

– А можно как-то без этого слова? – скривилась Стефанопулис. – Лучше «орудие неясного типа».

– Как скажете, босс, – пожал я плечами. – Только может оказаться, что «орудие неясного типа» тут совершенно ни при чем.

– В смысле? У бабы зубы между ног – это что, по-вашему, «ясный тип»?

После первого случая мы с Найтингейлом это как раз обсуждали.

– Вероятно, у нее был зубной протез. Такие, знаете, вставные челюсти, только установленные вертикально. Если женщина их носит, то, как вы думаете, не могла ли она... – Я поймал себя на том, что делаю пальцами хватательные движения, изображая защелкивающиеся челюсти, и тут же прекратил.

– Ну, я бы так не смогла, – отозвалась Стефанопулис. – Однако спасибо вам, констебль, за эту очаровательную гипотезу, я теперь наверняка не сомкну глаз всю ночь.

– Вряд ли, босс, это мужики ночами спать не дают, – ляпнул я и тут же пожалел.

Стефанопулис зыркнула на меня:

– Самый умный, да?

– Извините, босс.

– Знаете, Грант, что бы я предпочла? Нормальную пятничную поножовщину, чтобы какой-нибудь пьяный ублюдок зарезал другого бедолагу просто за косой взгляд, – сказала она, – там хоть мотив понятен.

Мы молча постояли, вспоминая былые беззаботные времена, а именно вчерашний вечер.

– Значит, так: официально вы в расследовании не участвуете, – резюмировала сержант. – Считайте себя просто консультантом. Расследование веду я, понадобится – я вас вызову. Ясно?

– Да, босс, – ответил я. – А пока я мог бы проработать несколько версий, используя, так сказать, методы расследования «неясного типа».

– Ладно, – сказала Стефанопулис. – Но все действия будете согласовывать со мной. Все нормальные данные передадите в мой отдел через ХОЛМС, а я со своей стороны прослежу, чтобы вся паранормальщина попала к вам. Это тоже ясно?

– Так точно, шеф!

– Хороший мальчик, – кивнула она. «Шеф» ей явно польстил. – А теперь убирайтесь отсюда, и, надеюсь, больше я вас не увижу.

Поднявшись по лестнице, я зашел в палатку, растянутую криминалистами, и осторожно снял защитный костюм, тщательно следя, чтобы кровь не попала на одежду.

Стефанопулис хотела, чтобы я не особенно лез в это расследование. После погрома в Ковент-Гардене, когда сорок человек попали в больницу, а еще двести, включая почти всех актеров из пьесы «Билли Бад», – в кутузку, когда заместитель комиссара заработал сначала нервный срыв, а потом дисциплинарное взыскание, когда собственный шеф Стефанопулис оказался на больничном, потому что я воткнул в него шприц с транквилизатором для слонов (ну а что мне оставалось, он пытался меня повесить), а в довершение всего толпа разнесла Королевский оперный театр и сожгла рынок – так вот, после всего этого я и сам не хотел туда лезть.

ВЕРНУВШИСЬ в Безумство, я застал Найтингейла в утренней столовой. Он накладывал себе кеджери из серебряного блюда, одного из тех, которыми Молли каждое утро упорно загромождает сервировочный столик. Подняв крышку другого блюда, я обнаружил там жареные колбаски и яйца-пашот. Иногда, после бессонной ночи, добрый английский завтрак может заменить сон. Сработало – я нашел в себе силы рассказать Найтингейлу об убийстве в клубе «Граучо», хотя почему-то не притронулся к свиным колбаскам. Тоби сидел у стола, наблюдая за мной зорким взглядом собаки, всегда готовой принять мясной подарок судьбы, который может неожиданно упасть с неба.

Когда нас привлекли к делу трагически утратившего пенис Сент-Джона, мы обратились к стоматологу-криминалисту за подтверждением того, что травма была нанесена именно зубами, а не ножом или, скажем, миниатюрной копией медвежьего капкана. Стоматолог быстренько слепил нам максимально достоверный муляж челюстей. Они были очень похожи на человеческие, только раскрывались шире и словно бы вертикально. По его заключению, клыки и резцы почти не отличались от человеческих, а вот большие и малые коренные были слишком тонкими и острыми.

– Они принадлежат скорее хищному животному, нежели всеядному, – сказал доктор. Это был хороший человек и настоящий профессионал, но мне все время казалось, он считал, что мы над ним издеваемся.

Это вызвало нелепый спор на тему человеческого пищеварения. Он прекратился, только когда я сходил купил школьный учебник по анатомии и объяснил Найтингейлу, что такое желудок, тонкий и толстый кишечник и как это вместе работает. Потом удивился вслух: разве он не проходил все это, когда учился в школе? Он сказал, что, наверное, проходил, но не запомнил, так как не мог сосредоточиться – его все время что-то отвлекало. Я спросил, что же именно, и он ответил «регби и заклинания».

– Заклинания? – переспросил я. – Хотите сказать, вы учились в Хогвартсе?

Этот вопрос вылился в краткий пересказ истории Гарри Поттера, после чего Найтингейл сказал, что да, он посещал школу для детей из особых семей, с устойчивыми магическими традициями. Но эта школа совсем не была похожа на описанную в книге. Найтингейлу правда понравилась идея квиддича, но у них в школе играли по большей части в регби, и использовать на поле магию было строжайше запрещено.

– У нас был эдакий свой вариант сквоша, – пояснил наставник, – в него играли при помощи форм движения. Временами получалось довольно энергично.

Во время Второй мировой войны армия реквизировала школу для своих нужд. К пятидесятым годам школа вновь открылась для гражданского населения, но потенциальных учеников оказалось слишком мало, чтобы ее работа могла окупиться.

– И слишком мало осталось учителей, – добавил Найтингейл, после чего надолго умолк. Я решил больше не затрагивать эту тему.

Мы провели огромное количество времени в библиотеке, перелопачивая литературу в поисках упоминаний о *vagina dentata*. В процессе я наткнулся на фолиант под названием *Exotica* авторства Вольфе. Если Полидори знал все о страшных и неестественных смертях, то Вольфе был крупным знатоком сверхъестественной фауны и того, что доктор Валид называл «легальной криптозоологией». Он был современником Хаксли и Уилберфорса, знал все новейшие теории эволюции. Во введении к своей «*Роли Магии в Обосновании Псевдоламаркистского Наследия*» он утверждает, что изменения в живом организме, вызванные магией, могут передаваться потомству этого организма. Современным ученым эта теория известна как «наследование приобретенных признаков», и если какой-то биолог ее поддерживает, коллеги обычно показывают на него пальцем и смеются. Сама по себе идея Вольфе казалась довольно убедительной, но вот только доказать ее он не успел – погиб от зубов акулы во время поездки на воды в Сидмут.

Мне подумалось, что эта-то теория и могла бы объяснить «эволюцию» многих существ, описанных в «*Экзотике*». Вольфе почему-то избегал упоминать в своей выкладке *genii locorum*, духов места, которые совершенно точно существуют. Но я понимал: если кто-то оказывается в поле воздействия скрытой, но мощной магии, пропитавшей собой определенную местность, то он может и физическую свою форму изменить по воле этой магии. Взять, к примеру, Батюшку Темзу и Матушку Темзу, и даже Беверли Брук – ту самую, которую я поцеловал на Севен-Дайлс.

Потомство, значит, наследует признаки, подумал я. Может, и хорошо, что Беверли Брук сейчас слишком далеко, чтобы смущать мой покой.

– Если криминалисты-стоматологи подтвердят, что это та же самая... тварь, – сказал я, – допустимо ли предположить, что она не естественного происхождения? То есть тут наверняка не обошлось без магии. И значит, она должна повсюду оставлять следы в виде *вестигиев*, так?

– Но вы еще ни одного не обнаружили, – сказал Найтингейл, наливая себе еще чаю.

– Это да, – кивнул я. – Но если у нее есть некое убежище, где она проводит большую часть времени, то, возможно, *вестигии* там и накапливаются. Тогда ее будет легче найти, а учитывая, что оба нападения произошли в Сохо, возможно, ее логово именно там.

– Сохо большой, – заметил Найтингейл.

– Лиха беда начало, – ответил я и кинул Тоби сосиску. Тот поймал ее в воздухе, исполнив техничный прыжок в высоту.

– Что нам нужно, так это хорошо зарекомендовавший себя специалист по поиску сверхъестественных существ.

Мы дружно поглядели на пса, заглотившего сосиску целиком.

– Не в этот раз, – сказал я. – Есть еще кое-кто, и у него передо мной должок.

КОГДА я примирил между собой верхнее и нижнее течения Темзы, частью их мирного соглашения стал обмен заложниками. Абсолютно средневековая штука, но ничего лучше я тогда не смог придумать. Из лондонского окружения Матушки Темзы я выбрал Беверли Брук, темноглазую и лукавую, а взамен получил Эша, парня с лицом голливудского актера и немнотыми светлыми волосами. Он прямо-таки излучал бесшабашное обаяние бродячего ярмарочного актера. Эша поселили в доме Матушки Темзы в Уоппинге, где он произвел такой переполох, что в конце концов старшие дочери Матушки сбагрили его в Генератор – хостел для студентов, аккурат на границе между гопническим Кингс-Кроссом и зажиточным Блумсбери. Оттуда можно было также, в случае чего, быстро добраться до Безумства.

Хостел стоял на бывшем конюшенном дворе у Тэвисток-плейс. Снаружи его здание было светло-кремовое, в чисто георгианском стиле, ну прямо из «Английского наследия»²⁴. Внутри же царили простенькие немаркие оттенки, какие мы неизменно видим в детских телепередачах. Служащие носили бейсболки, одинаковые зелено-голубые футболки и профессиональные широкие сияющие улыбки. Последние при моем появлении несколько приугнули.

– Я пришел забрать его, – сказал я, и улыбки засияли с новой силой.

Я вдруг осознал, что всю ночь работал, потом слегка вздремнул и принял душ, потом даже успел доделать кое-какие документы, а Эш все это время дрых и только сейчас проснулся. Он открыл мне дверь и стоял на пороге, обернув бедра несвежим махровым полотенцем оливкового цвета.

– О Пити! Заходи.

В Генераторе в отдельных комнатах стоят двухъярусные кровати – очевидно, для поддержания развеселой атмосферы, которой живет молодежный хостел. Поэтому, даже когда снимаешь отдельную комнату, нужно, чтобы был сосед. Но Эш, поселившись здесь, добыл бог весть где ацетиленокислородный резак, с помощью которого превратил свою двухъярусную кровать в двуспальную. И теперь любому, кто вознамерился бы сюда заселиться, пришлось бы спать с ним под одним одеялом. Когда персонал начал жаловаться, Матушка Темза отправила свою дочь Тайберн разбираться. А уж если Леди Тай с чем разберется, то раз и навсегда. Но в защиту Эша следует сказать, что он редко спал в этой кровати один. Тай его ненавидит, а для меня это своего рода бонус, поскольку раньше, до его появления, первое место в ее черном списке всегда оставалось за мной.

Вчерашняя девушка Эша настороженно глянула на меня, подтянув одеяло до подбородка. Сесть было некуда, разве что на краешек кровати. Я осторожно присел и ободряюще улыбнулся незнакомке. Она явно начала нервничать после того, как Эш удалился по коридору в сторону общих душевых.

– Добрый день, – сказал я, и она кивнула в ответ.

На вид она была довольно симпатичная: изящные скулы, оливковая кожа, кудрявые темные волосы, колечками рассыпавшиеся по плечам. Только когда она достаточно расслабилась, чтобы сесть в кровати, и край одеяла соскользнул, обнажив гладкую, безволосую и совершенно плоскую грудь, до меня дошло, что она – вовсе не она.

– Ты парень? – спросил я, в доказательство того, что тренинг по восприимчивости в Хендоне прошел, но мимо.

– Только физически, – ответил он. – А ты?

Мне, к счастью, не пришлось отвечать – Эш влетел в комнату абсолютно голый и быстро выудил из груды шмоток вытертые джинсы и футболку с Ананси²⁵ – несомненно, подарок Эффри. Потом наклонился поцеловать в засос юношу в постели, надел ботинки «Доктор Мартенс», и мы отчалили.

Я подождал, пока мы выйдем наружу и дойдем до машины, и только потом спросил насчет этого парня.

Эш только пожал плечами.

– Да я и не понял, что это парень, пока мы не пришли ко мне, – ответил он, – а потом такой думаю: ну, мне же хорошо, так почему бы и нет?

Для того, кто никогда не был в населенном пункте крупнее Сайренсестера, Эш поразительно быстро превращался в метросексуала.

²⁴ «Английское наследие» (*англ.* English Heritage) – обиходное название британской государственной Комиссии по историческим зданиям и памятникам Англии (Historic Building and Monuments Commission for England). Комиссия осуществляет управление значимыми историческими памятниками страны.

²⁵ Ананси – одно из божеств-трикстеров, относящихся к западноафриканскому пантеону. Его изображают по-разному: как паука или человека, иногда он предстает в комбинированном образе.

- Куда мы едем? – спросил он, когда мы сели в машину.
- В твой любимый район, – ответил я, – в Сохо.
- А ты накормишь меня завтраком? – с надеждой спросил он.
- Обедом, – поправил я. – Причем поздним.

В итоге мы взяли рыбу с картошкой в забегаловке на Бервик-стрит и сели за уличный столик. В одном конце Бервик-стрит находятся офисы нескольких телекомпаний, посередине открытый рынок, а в другом конце – пара-тройка неприметных магазинов для взрослых. А еще здесь есть несколько всемирно известных музыкальных магазинов, работающих исключительно с винилом. Именно сюда пришел бы мой папа продавать свою коллекцию, если бы вдруг внезапно потерял к ней интерес, но пока он жив, такому не бывать.

Я объяснил Эшу, в чем будет заключаться его задача.

- Я должен тусоваться в Сохо? – переспросил он.
- Да, – сказал я.
- Зависать в клубах и барах, знакомиться с новыми людьми?
- Ага. И стараться различить среди них агрессивную женщину-убийцу, возможно сверхъестественного происхождения.

– То есть надо шататься по клубам и искать опасную женщину? – уточнил он. – А как она хоть выглядит?

– Похожа на Молли, но, возможно, прическа чуть другая, – ответил я. – Но ты-то ее сразу почувешь – особым, нефизическим чутьем.

На лице Эша отразилась работа мысли: он конвертировал мои слова в понятную для себя форму.

– Ага, – кивнул он, – ясно. А если найду, что дальше делать?

– Сразу же звонить мне, и ни в коем случае не приближаться. Это смертельно опасно, понял?

– Ага, – ответил Эш. – А что мне за это будет?

– Ну, я же накормил тебя обедом.

– Ну, ты и жмот. А на пиво?

– Потом возьму.

– А заранее никак?

Мы доехали до банкомата, и я снял пятнадцать фунтов на карманные расходы.

– Учти, – сказал я, протягивая Эшу деньги, – с тебя чеки. Иначе я расскажу Тайберн, что на самом деле произошло в Мейфэре тогда, вечером.

– Это же была всего-навсего кошка, – сказал Эш.

– Есть вещи, которые вообще ни с кем нельзя делать, – назидательно сказал я. – Даже с кошками.

– Ну, она же была так гладко побрита, – попытался оправдаться Эш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.